

Гизум Герко

БЕЗ НЕБА

ТОМ 2: ВЫХОД НА ДНО

Гизум Герко

Без Неба 2: Выход на Дно

«Автор»

2026

Герко Г.

Без Неба 2: Выход на Дно / Г. Герко — «Автор», 2026

Тьма Дна лишь глубже, когда кажется, что нашел выход. Майкл Крест, вырвался из ада разрушенной «Тихой Гавани». Но свобода на Дне – лишь иллюзия. Обладая кораблем и опасными знаниями древнего языка, он больше не шахтер, борющийся за выживание, – он игрок поневоле в большой и грязной игре Баронатов. Наследие отца – легендарный корабль «Рассвет» и имена забытых союзников – манят призрачной надеждой выбраться из бездны. Но путь к ним лежит через паутину обмана, интриг могущественных баронов и смертельные ловушки внешних секторов. Герою предстоит понять, кому можно доверять в мире, где правит лишь выгода. Доверие на Дне – роскошь, его не купишь за золото, а за каждый неверный шаг платишь кровью. Вторая часть мрачной нуарной серии проведет Грома через тени прошлого и опасные сделки настоящего, где цена свободы растет с каждой пройденной милей.

© Герко Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Горло Машины	5
Глава 2. Четыре имени	11
Глава 3. Пятьдесят тысяч	20
Глава 4. Липкая ладонь	26
Глава 5. Пассажиры	32
Глава 6. Узкий коридор	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Гизум Герко

Без Неба 2: Выход на Дно

Глава 1. Горло Машины

Тишина.

Непривычная, почти оглушающая после рева сирен и грохота рушащейся «Тихой Гавани».

Я открыл глаза и несколько секунд непонимающе смотрел на низкий металлический потолок над головой.

Где я?

Ах да. Каюта. Не наша, не на «Страннике». Чужая. Стены из гладкого, холодного металла, без привычных слоев ржавчины и грязи. Воздух... он был другим. Чище. Пах озоном, раскаленным металлом и чем-то еще, незнакомым, техническим.

Верфь. «Горло Машины». Мы добрались.

Я сел на жесткой койке.

Тело ломило от усталости и застарелых синяков, оставленных людьми Векса. Правая рука, которую я сжег в экстремальном режиме, держала уже почти нормально — только пальцы к вечеру начинали неметь. Голова была ясной. И от этой ясности становилось только хуже. Воспоминания накатывали волнами: Марк, Грета, Стерн, Арто. Пустота, оставшаяся после них, зияла черной дырой где-то внутри.

Рядом, на соседней койке, спала Сарра.

Свернулась калачиком, подтянув колени к груди, как делала всегда, когда ей было страшно или холодно. Даже во сне ее лицо было напряженным, а ресницы подрагивали. Она пережила слишком много. Мы оба пережили.

Я встал и подошел к небольшому иллюминатору, вмонтированному в стену каюты.

За толстым стеклом виднелась часть огромного, гулкого пространства. Наша каюта была оборудована в нише, выдолбленной прямо в скале, как и десятки других, уходящих вверх и вниз по стене гигантской подводной пещеры. Внизу, теряясь в тусклом свете рабочих прожекторов и синих огнях сварки, виднелись доки. Огромные стапели, краны, ряды пришвартованных кораблей — от мелких разведчиков до неуклюжих торговых барж. И везде кипела работа. Механики в одинаковых серых комбинезонах двигались между механизмами с деловой сосредоточенностью, ремонтные дроны скользили по корпусам кораблей, оставляя за собой шлейфы искр.

«Горло Машины».

Одна из легендарных Тихих Верфей.

Место, куда стремились попасть все, чьи корабли нуждались в серьезном ремонте. Место, где правили не бароны, а мастера. Место, где царил нейтралитет, подкрепленный репутацией и, как говорили, очень эффективной, хоть и невидимой, системой безопасности. Попасть сюда было непросто — Верфи тщательно охраняли свои координаты. Нам повезло, что у Арто были старые связи и нужные коды доступа.

Коды он оставил в памяти навигационного пульта, вместе со списком стоянок, где не спрашивают имени. Двадцать лет человек готовил себе дорогу, по которой в итоге ушли мы.

Атмосфера здесь разительно отличалась от всего, что я видел раньше. Никакой суеверности, никакой гнетущей тирании баронов, никаких фанатиков. Только работа. Спокойная, методичная, уверенная. Гул работающих механизмов, шипение сварки, лязг металла — все это сливалось в единый, почти убаюкивающий ритм.

Здесь не задавали лишних вопросов.

Ты платишь — тебе чинят.

Нет денег — убирайся.

Все просто.

Просто... но дорого.

Я отошел от иллюминатора, сел на пол между койками и вывалил перед собой все, что у нас было.

Отец учил: когда не знаешь, что делать дальше, разложи инструмент. Посчитай. Мир становится меньше, а ты — больше.

Мультиключ отца. Сталь вытерта до блеска на рукояти, на кольцо — два болта, восьмерка и десятка, снятые с обшивки в тот день, когда я в первый раз спустился в шахту. Двадцать один год они гремели у меня на поясе и пережили базу, на которой были откручены.

Разводной ключ Греты. Тяжелый, с оплавленной губкой. Я поднял его у порога того, что осталось от мастерской. Она мне его не отдавала. Я взял сам, и это было единственное имущество на моей памяти, которое пришло ко мне не по обряду.

Два плазменных резака. Мой — из собранного мной ящика с инструментом, того самого, который в ту ночь стоял на «Страннике» и потому не сгорел вместе с мастерской. И Гретин, взятый там же, у порога, и так же не отданный: старая серия, тяжелее, сопло меняное, батарея две трети.

Гаечный ключ Арто, с двумя зарубками крест-накрест. Он лежал не здесь, а наверху, в вытертой выемке справа от штурвала, и я не собирался его оттуда трогать. Его я записал в опись мысленно.

Ключ от «Тихого Странника» — короткий, невзрачный, с потертой биркой. Купленный, не краденый; Арто повторил это дважды, прежде чем умереть.

Нож. Фляга. Три бинта из шести — остальные ушли на плечо Сарры. Фонарь, один: второй мы отдали тем семерым в выработке.

Тетрадь в мягкой обложке — дневник отца, двадцать лет пролежавший у Арто под настилом. Планшет-журнал отца, найденный в нише у кресла пилота, — за пазухой, читанный на треть.

Тетрадь Векса. Сарра вынесла ее из тайника Греты под фальшполом, не сказав мне ни слова, и до сих пор не объяснила зачем.

Чехол под ребрами — кристалл-словарь. Уже не имущество. Уже я.

И пластина-носитель в нагрудном кармане. Письмо Лир, пришедшее за час до того, как за мной прислали людей Векса.

Непрочитанное.

Я держал его в ладони и понимал, что дальше тянуть нельзя. Не потому, что стало легче. Просто больше не осталось причины, по которой я мог бы себе врать.

Я активировал пластину.

Лира писала о простом. Что общину перевели на новую воду, из скважины, и вода горчит, но пить можно. Что сыпь у детей почти сошла, а у стариков нет. Что шахту, где нашли пыль, закрыли и никто не объясняет почему, и что старший общины ходит с лицом человека, который знает больше, чем говорит. Что она достала мне куртку, теплую, настоящую, и держит ее в сундуке, потому что «ты же приедешь».

А в самом конце было четыре строки, из-за которых я перечитал письмо трижды.

«Я нашла место, о котором говорили родители. Помнишь, ты не верил, что оно есть? Оно есть. Я не буду писать об этом здесь, потому что письма читают. Приезжай, Мик. Я покажу».

Я не помнил.

Я честно, до боли в висках, пытался вспомнить — и не помнил ни разговора, ни места, ни того, чтобы я во что-то не верил. Мне было пять, когда нас развело по разным катерам. Лире

— три. Она росла при родителях, а я при дяде Арто, и из нас двоих память о них досталась той, кто был младше. Мне достался пересказ.

Сарра проснулась от того, что я слишком долго сидел неподвижно.

— Что там? — спросила она хрипло.

— Письмо от Лиры. Пришло на Гавань. Я его тогда не открыл.

Она села, обхватив колени. Ждала.

— Живы, — сказал я. — Все живы. Шахту закрыли.

— А остальное?

— А остальное я пока не понял.

Она не стала лезть. За последний месяц мы оба научились не трогать чужое, пока не позовут.

Отправка ответа стоила три кристалла арконита или эквивалент по курсу Верфи. Курс здесь был честный, что не делало его добрым.

У нас было два кристалла и двадцать девять кредитов на двоих — все, что осталось после стоянки и первичной диагностики «Странника», сожравших сто пять.

Я отдал оба кристалла и двадцать один кредит.

Восемь кредитов. Пара обедов в «Котелке Механика», местной жральне, если брать серую пасту и не брать чай.

Само письмо я писал полтора часа и уложил в одиннадцать строк.

«Гавани больше нет. Обвал, весь жилой ярус. Погибли Марк, Грета, Стерн, дядя Арто. Мы с Саррой живы, мы на нейтральной верфи, у нас корабль. Денег нет, но будут. Куртку не отдавай никому. Я приеду. Про место не пиши в письмах вообще, дождись меня. Твой Мик».

Терминал проглотил текст и выдал на экран строку о том, что доставка на Поверхность занимает от девяти до двадцати трех суток в зависимости от окна связи.

Двадцать три дня, чтобы моя сестра узнала, что половина людей, о которых она спрашивала в каждом письме, уже месяц как мертвы.

Я стоял перед погасшим экраном и думал, что вот она — настоящая цена. Не в кредитах.

Ответа не будет долго. Я знал это, уходя. И все равно на второй день начал проверять терминал.

* * *

Мастерская, где осматривали «Странника», находилась на одном из нижних ярусов Верфи.

Огромный, гулкий цех, пропахший озоном и горелым металлом. Наш корабль стоял на стапелях, окруженный лесами диагностического оборудования. Несколько механиков в серых комбинезонах деловито копошились вокруг него, сверяясь с показаниями на планшетах.

Главным у них был пожилой, кряжистый мужик с седой бородой и руками, которые, казалось, были сделаны из того же металла, что и инструменты, которыми он орудовал. Звали его Рорк. Он говорил мало, в основном короткими, отрывистыми фразами, но его взгляд был внимательным и цепким. Он сразу понял, что я не просто бывший владелец корабля, а тоже механик.

— Ну что, парень, смотреть пришел? — пробасил он, не отрываясь от сканера, которым водил вдоль одного из двигателей «Странника». — Корыто у тебя старое, потрепанное, но еще побегаёт. Движки, конечно, барахлят, энергосистема изношена, обшивка вон в нескольких местах просит сварки... Но в целом — жить будет. Если руки приложить. И кредитов не пожалеть.

Я подошел ближе и активировал через имплант диагностический модуль.

Это был первый раз, когда я включил его не в темноте штреха, а в чужом цеху, при свидетелях, по работе.

Сначала не было ничего. Потом мир поехал.

На сетчатку легли строки — сотни строк сразу, поверх корпуса, поверх лесов, поверх лица Рорка. Температуры, сопротивления, циклы, ресурсы узлов, о существовании которых я знал, но которые никогда не видел числами. Модуль не показывал ответ. Он вываливал на меня все, что мог измерить, и предоставлял разбираться самому.

Как если бы тебе дали слух, которым слышно каждый винт в радиусе двадцати метров, и сказали: найди тот, что откручивается.

Я закрыл глаза. Досчитал до пяти. Открыл и начал делать то, чему меня учила Грета: не читать все подряд, а идти от симптома.

Движки — норма для их возраста. Обшивка — усталость, ничего внезапного. Энергосистема...

— Энергосистема не просто изношена, — сказал я, указывая на один из графиков. — Конденсаторы почти на пределе, а распределительный узел... он работает некорректно. Похоже на следы внешнего вмешательства. Возможно, электромагнитный импульс?

Рорк удивленно поднял бровь и посмотрел на меня с новым интересом. Он проверил показания на своем сканере.

— А ты глазастый, парень. И в железе шарить, — кивнул он с неохотным уважением. — Верно. Есть аномалия. Мы как раз до нее добрались. Думали, просто старый сбой. А оно вон как... Импульс, говоришь? Откуда бы ему взяться?

Я пожал плечами. Последние часы на «Тихой Гавани» были сплошным хаосом.

Взрыв, взбесившиеся дроиды, двести четырнадцать машин, идущих в экстремальном режиме на одном ярусе.

Мало ли что могло повредить энергосистему.

Я не стал говорить, что режим включал не Векс.

За глазами ломило — обычная плата за пять минут диагностики. Модули не работают сами. Они работают тобой.

— Но это еще не все, — сказал один из молодых механиков, работавших у кормовой части корабля. Он держал в руке небольшой, черный диск размером с монету. — Вот эту штуку нашли на внешней обшивке, у сопла маневрового двигателя. Прилепилась крепко.

Рорк взял диск, повертел его в руках.

— Маячок, — констатировал он. — Следящий «жучок». Стандартный, без наворотов. Такие обычно ставят, чтобы отслеживать должников или... жертву.

«Жучок»? На нашем корабле?

Значит, за нами следили.

Но кто?

— Векс? — предположил я вслух.

И сам услышал, как глупо это прозвучало. Векс лежал в доке «Тихой Гавани» с срезанным протезом и не поставил бы уже ничего и никому. Но он мог поставить раньше. Он всегда все делал раньше.

— Кто это, Векс? — Рорк пожал плечами. — Без понятия кто это. Может он, а может кто другой. У вас, пlyingунов, доброжелателей всегда хватает. Может, конкурент, а может и Удильщики. Сейчас гадать бесполезно. Главное — нашли.

Он ткнул маячком мне в грудь, и я автоматически взял его в руки.

— Считай, повезло вам. Нашли его здесь, на Верфи.

Я посмотрел на «жучок». Маленькая черная точка, символ постоянной угрозы, которая преследовала нас даже здесь, в этом убежище нейтралитета. Кто бы его ни поставил, мне было не по себе от того, что кто-то следил за нами.

Я хотел раздавить его каблуком. И не стал. Убрал в карман, к пластине с письмом.

Мертвый маячок ничего не расскажет. А этот еще мог — когда-нибудь, когда у меня будет чем его вскрыть.

Спокойная жизнь закончилась, так и не начавшись.

Механики быстро и профессионально удалили остатки крепления «жучка» и заварили поврежденный участок обшивки.

Рорк тем временем закончил с энергосистемой.

— Да, ты был прав, парень, — сказал он, отключая сканер. — Распределительный узел точно получил хороший заряд. Не смертельно, но лучше заменить. И конденсаторы тоже. Найдем что-нибудь на складе. Стандартные детали, не дефицит. Но... это будет стоить кредитов.

Он назвал сумму.

Она была больше, чем все, что у нас когда-либо было одновременно. Восемь кредитов на моем счете смотрелись рядом с ней как шутка.

— У нас нет столько, — честно признался я.

Рорк посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом.

— Знаю, парень. Вижу. Но Верфь — не благотворительная организация. Работа должна быть оплачена. — Он помолчал, поскреб седую бороду. — Но... раз уж ты сам механик, и помог нам с диагностикой... Есть вариант. У нас тут всегда есть работа для толковых рук. Можешь отработать долг. Поможешь нашим ребятам с парой заказов, пока мы твое корыто латаем. Как тебе такой расклад?

— Сертификата у меня нет, — сказал я.

— А я и не спрашивал, — ответил Рорк. — Был бы сертификат — платили бы вдвое. Без него ты серый, как половина Дна. Хочешь честно? Будешь делать ту же работу, что мой второй номер, а стоит она будет треть. Не я этот порядок придумал.

— Я знаю, кто его придумал.

— Тогда мы поняли друг друга.

Я посмотрел на Сарру.

Она едва заметно кивнула. Другого выхода у нас все равно не было.

— Я согласен, — сказал я Рорку.

— Вот и договорились, — он одобрительно хлопнул меня по плечу своей тяжелой рукой. — Начнешь завтра с утра. А пока... отдыхайте. И держите ухо востро. «Жучки» просто так не появляются.

* * *

Первый день отработки начался в пять утра с sireны, от которой у меня внутри все оборвалось, — и продолжился осознанием, что здесь это просто смена.

Меня поставили в бригаду на разборку трюмного насосного узла торговой баржи. Работа знакомая до зевоты, только металл был чужой, крепеж дюймовый, а рядом стоял парень моих лет по имени Лан, который делал то же самое и получал втрое.

Он не был виноват. Он даже поделился обедом, когда увидел, что я взял одну пасту без чая. Просто у него была карточка мастера третьей ступени, а у меня — руки.

К полудню я понял главное про Верфь.

Здесь действительно не спрашивали, кто ты. Никто не поинтересовался ни моим именем сверх того, что я назвал сам, ни откуда мы пришли, ни почему у двух оборванцев есть исправный корабль.

Учет вел Администратор — старый, вмонтированный в скалу, с голосом ровным, как шлифованный лист. Он висел над цехом и знал все. Он знал, что баржа стоит на седьмом ста-

пеле четвертые сутки. Он знал, сколько метров шва наварено за смену и какой ресурс остался у каждого крана.

Он не знал меня.

Я спросил у Лана, как здесь оформляют новых.

— Никак, — сказал он. — Ты не оформлен. Оформлено железо. Администратор считает корпуса, тонны, часы станков. Люди у него идут строкой «расход по стапелю». Хочешь премию — проси у мастера, Администратор про тебя вообще не в курсе.

— А если человек тут погибнет?

Лан пожал плечами и посмотрел на меня как на дурака.

— Спишут по стапелю. Верфь не про людей, Гром. Верфь про машины. Тем и хороша: она про тебя ничего не расскажет тому, кто придет спрашивать.

Я подумал о Вексе, у которого сломанный блок кредитов стал властью над сотней человек. И о том, что здесь поломка была другая, вывернутая наизнанку: Администратор, который не считает людей вовсе. Ни в плюс, ни в минус.

Каждая база на Дне сломана по-своему. Просто некоторые поломки сначала кажутся свободой.

Вечером в «Котелке Механика» Сарра нашла меня раньше, чем я успел донести миску до стола. Она выглядела встревоженной.

— Гром, я тут... пока вы возились в цеху... слышала, как двое механиков разговаривали, — тихо сказала она, понизив голос. — Они упоминали «Последний Вздох». И барона Гораса.

— Гораса? — Это имя резануло по памяти, вызвав неприятный холодок. Горас. Человек, предавший моего отца. Человек, из-за которого мы потеряли все.

— Да, — кивнула Сарра. — Они говорили, что кто-то недавно сильно повредил его личную субмарину. «Рыбу-Меч». Шикарную, новую. Говорили, что Горас был в ярости, рвал и метал. Ремонтники с его базы долго возились и вот только-только заканчивают ее чинить. Один из здешних мастеров вроде как помогал им со сложными механизмами.

Повредили субмарину Гораса?

Горас держал свою базу в ежовых рукавицах. Кто мог осмелиться пойти против него? Или это была случайность?

— Интересно, — пробормотал я. — Может, у Гораса тоже не все так гладко, как кажется? Сарра ковырнула пасту и есть не стала.

— Гром, — сказала она тем голосом, который у нее прорезался, только когда ей было по-настоящему не по себе. — Тот мастер, который им помогал. Он у них денег не взял. Он взял заказ на будущее.

— В смысле?

— В смысле Горас теперь может прийти сюда за своим. И Верфь его пустит. Потому что долг записан на железо, а не на человека.

Я положил ложку.

За один день эта база успела показать мне свое лучшее лицо и свое настоящее.

Ночью я лежал и слушал, как в скале гудят насосы. В кармане куртки, свернутой у изголовья, было три вещи: восемь кредитов, письмо, которого сестра еще не получила, и мертвый черный диск.

Кто-то прилепил его к нашей корме, зная, что мы уйдем.

Кто-то вел нас все семь суток пути.

И этот кто-то знал, что мы придем именно сюда — в единственное место на Дне, где не спрашивают имен, но исправно записывают железо.

Глава 2. Четыре имени

Ремонт «Странника» занял девятнадцать суток.

Рорк назвал за узел, конденсаторы и сварку полторы тысячи кредитов и не сбавил ни монеты. Я отработал их руками, по трети ставки мастера, на разборке чужих трюмов, на промывке магистралей, на швах, которые потом проверял человек с карточкой третьей ступени и ставил свою подпись под моей работой.

К концу мне выдали расчет: долг закрыт, сверх — шестьсот двенадцать кредитов.

Первые собственные деньги в моей жизни, заработанные не в шахте.

Ответа от Лиры не было. Я проверял терминал каждое утро перед сменой и каждый вечер после, и каждый раз он показывал мне одно и то же: доставка в пути, окно связи не открыто.

По вечерам, когда руки уже не держали инструмент, я читал дневник отца.

Теперь, успокоившись, я читал его другими глазами. Я искал не просто информацию, я искал ответы. Искал нити, которые могли бы связать прошлое с настоящим.

Записи были полны технических деталей, расчетов, схем, связанных с его главным проектом — кораблем «Рассвет». Но между строк я находил и другое. Его мысли о Дне, о баронах, об Атлантах. Его разочарование в системе. Его мечту.

И имена.

Имена людей, которым он, похоже, доверял. Тех, с кем он делился своими самыми сокровенными планами.

«...обсуждал с Элиасом проблемы энергосистемы. Его идеи по нестабильным источникам гениальны. Без него „Рассвет“ не полетит...»

Элиас. Инженер-энергетик.

Отец упоминал его несколько раз в контексте работы над двигателем. Где он сейчас, на какой базе — дневник не отвечал.

«...Харп снова вытащил груз из такой передрыги, что диву даюсь. Его чутье навигатора и опыт капитана бесценны. Он ворчит на мои „безумные идеи“, но я знаю — на него можно положиться...»

Капитан Харп. Где искать этого Харпа? И жив ли он вообще?

«...доложил Калусу о ситуации с Горасом. Калус обещал прикрыть со стороны службы безопасности. Он единственный, кому я могу полностью доверять в этом змеином гнезде. Поручил ему самое важное — координаты ангара...»

Калус. Начальник службы безопасности отца. Человек, знавший, где стоит «Рассвет».

«...та партия, что передал Сайлас. От его дел опять несет ржавчиной, но уже сейчас он неocenим как механик и поставщик оборудования...»

Сайлас.

Я долго смотрел на эту строчку.

«Есть на Дне люди, у которых удача всегда чужая», — сказал мне дядя Арто на предпоследней своей неделе, у борта «Странника», и не назвал ни лица, ни базы. Только имя.

Отец писал о нем без тепла. Он писал о нем как о нужном инструменте, от которого несет ржавчиной. Люди редко бывают инструментами добровольно, и почти никогда — долго.

Элиас, Харп, Калус, Сайлас.

Четыре ниточки, ведущие в неизвестность.

Дневник не указывал, где они теперь. Отец писал о них в контексте своей жизни на «Последнем Вздохе».

«Последний Вздох».

Место, где все началось. Место, откуда мы бежали. Место, где теперь правит Горас.

Мысль о возвращении туда вызывала холодок по спине. Но там могли остаться следы. Старые контакты. Люди, которые помнили отца.

И детали.

Рорк честно сказал мне на прощание, что латка — это латка. Резонаторы, стабилизатор поля, нейропроводник с тройным экранированием — такого на складе Верфи не было и не будет, а без них «Странник» доживет свое как баржа: медленно и предсказуемо.

— На «Вздохе» есть, — сказал он. — И на «Вздохе» с тебя за это возьмут вдвое. Так везде. Вечером, в «Котелке Механика», я выложил все это Сарре.

Она сидела напротив, ковыряясь в тарелке с серой пастой, и ее лицо было замкнутым.

— Ты хочешь вернуться туда, где убили твоего отца, — сказала она наконец. Не спросила. Сказала.

— Я хочу купить детали и задать несколько вопросов.

— Гром.

— Сарра, — я положил ладони на стол. — Я нашел в дневнике четыре имени. Все четверо были связаны со «Вздохом». Если хоть один жив, он знает то, чего не знаю я. Сидеть здесь и ждать, пока кончатся деньги или пока нас найдет тот, кто прилепил нам на корму маячок, — не вариант.

Она слушала молча, глядя куда-то в сторону. Я видел, что ей не нравится эта идея. Но она также понимала, что сидеть на месте — не выход.

— Ты думаешь, это поможет? — тихо спросила она. — Думаешь, получится найти этих людей?

— Я не знаю, — честно ответил я. — Но это шанс. Первая ниточка.

Она помолчала еще немного, потом вздохнула.

— Ладно, Гром. Если ты считаешь, что это нужно... я всегда тебя поддержу. Но давай будем осторожны. Пожалуйста.

— Будем, — пообещал я. — Быстро. Купим, спросим, уйдем. И вернемся сюда.

Она кивнула и снова уткнулась в тарелку. А я подумал, что за последние два месяца обещал ей осторожность уже трижды и ни разу не сдержал слова.

* * *

Низкий, вибрирующий гул двигателей «Тихого Странника» сменился серией глухих толчков и скрежетом — стыковочные захваты причальной балки вцепились в наш потрепанный корпус.

Голос диспетчера дока, бесстрастный и механический, прозвучал из динамика, подтверждая швартовку и назначая время стоянки. Мы прибыли. «Последний Вздох».

Шлюз отъехал в сторону с натужным шипением, и в кабину хлынул воздух доков — густой, тяжелый, пропитанный запахами раскаленного металла, озона, соленой воды, химии, пряностей с разгружаемой баржи и вездесущим сладковатым духом переработанного воздуха, смешанного с дыханием тысяч людей.

Одновременно ворвался шум — оглушающий, многослойный гул огромной, работающей как часы машины.

— Ну и грохот... — Сарра поморщилась, прикрывая уши. — Как они тут живут?

— Это столица, Сарра, — крикнул я ей в ответ. — Самая большая база в этом секторе. Здесь всегда так.

Мы вышли на трап, и масштаб докового комплекса по-настоящему захватил дух.

Причальные уровни уходили вдаль и терялись в полумраке гигантского рукотворного грота. Над нами на головокружительной высоте мерцали ряды прожекторов, едва разгонявших мрак под сводами. Внизу по транспортным туннелям непрерывным потоком шли грузовые

платформы. Докеры в серых комбинезонах перекачивали бочки, техники в синих робах проверяли стыковочные узлы, торговцы в цветастых накидках спорили с бригадирами. Высоко над головой по магнитным рельсам бесшумно скользили ремонтные дроны, похожие на гигантских металлических пауков.

Это был не док. Это был город внутри базы.

Нам выделили место у самой стены, рядом с другим кораблем.

И этот корабль приковал все мое внимание.

Он был раза в два длиннее «Странника» и заметно выше. Корпус из гладкого темно-синего сплава казался монолитным, без единого шва. Хищные обводы, низкая рубка с тонированными иллюминаторами, мощные спящие двигатели — все в нем кричало о скорости, силе и дороговизне. На иссиня-черном боку выделялся рельефный герб — стилизованный сжатый кулак из отполированного металла.

Рядом с ним наш залатанный «Странник» с облупившейся краской выглядел как ржавое корыто.

— «Рыба-Меч»... — пробормотал я название, которое слышал еще в детстве.

Личный корабль барона «Последнего Вздоха».

Значит, слухи с Верфи были правдой. На корме, у одного из стабилизаторов, виднелся участок, слегка отличающийся по цвету, будто панель меняли совсем недавно. Свежая работа.

Я включил диагностику — на секунду, из чистого механического любопытства.

Заплата была чужая. Сплав другой партии, шов положен грамотно, но не заводом, а руками. И под ней, глубже, шла тонкая линия деформации, которую снаружи не увидел бы никто: удар пришелся не по касательной. Кто-то бил в корму этой красавицы всерьез.

Я погасил модуль. Висок отозвался знакомой тупой болью.

— Он... как настоящий хищник, — прошептала Сарра. — Красивый. Но от него мурашки по коже.

— Это корабль Гораса, — так же тихо ответил я. — Лучше держаться от него подальше. И от его хозяина тоже.

Патрули охраны были заметны повсюду. Они двигались парами, не спеша, но их присутствие ощущалось как постоянное давление. Темно-серая форма, тяжелые ботинки, на поясах массивные электродубинки. Их взгляды скользили по толпе — холодные, оценивающие. Здесь каждый был под контролем. Не так грубо, как у Векса, но чувствовалось: система Гораса — отлаженный механизм наблюдения и принуждения.

На Гавани власть держалась на том, что сломанный Администратор не считал кредиты. Здесь Администратор считал все. Я приложил ладонь к терминалу на выходе из дока, и он молча снял с моего счета пошлину за стоянку — восемь кредитов, ровно по тарифу, без человека посередине.

Векс за такую систему удавился бы. Или удавил бы.

Здесь я был не просто чужаком. Я был призраком из прошлого, сыном свергнутого барона, невольным наследником опасных тайн.

И на базе, где помещался целый город, мне вдруг стало негде стоять.

* * *

Мастерских на «Вздохе» было полторы сотни, и ни одной вывески «Сайлас».

Спрашивать пришлось внизу.

Спуск в «Осадок», как местные презрительно называли нижние уровни, был сродни погружению во чрево умирающего Левиафана. Яркое освещение торговых пассажей сменилось тусклым, мигающим аварийным светом. Воздух стал тяжелее, насыщенным запахами сырости, застарелой плесени и неопределимой гнилости.

Стены были покрыты слоями грязи, ржавыми потеками и неразборчивыми граффити. Металл под ногами хлюпал от просачивающейся воды, с потолка капало. Тишина здесь была обманчивой — ее то и дело нарушал скрип изношенных конструкций, далекий гул неизвестных механизмов или шорох, от которого стыла кровь.

— Жуткое место, — прошептала Сарра, прижимаясь ко мне. — Даже трущобы на «Гавани» кажутся уютнее.

— Здесь живут те, кого наверху видеть не хотят, — ответил я. — Изгои, должники, беглецы. Идеальное место, чтобы спрятаться. Или исчезнуть навсегда.

Торговка ветошью в третьем тупике рассказала нам, где искать «Надежные Механизмы» — сектор Бета-9, три уровня выше, — и денег не взяла: сказала, что показать дорогу не работа. А потом, перебирая свой ворох, добавила ни к селу ни к городу:

— Только вниз больше не ходите. У нас тут месяц как поселился бледный. Из этих. Живет в глухом отсеке, никого не пускает, свет у него не такой. Люди говорят, от него беда.

Я остановился.

— Бледный?

— Белые волосы, — сказала она с явным удовольствием человека, которого наконец слушают. — И глаза синие, без серединки. Святые глубины, чтоб я еще раз на такое смотрела.

Дверь мы нашли по описанию: неприметный кусок металла в глухом тупике.

Я постучал нашим условным ритмом. Три раза, потом два.

Тишина.

Потом за дверью послышался шорох, лязг упавшего инструмента.

Пауза. Замок щелкнул, и дверь медленно приоткрылась.

В проеме стоял Кайрос.

Он выглядел хуже, чем на «Сердце Пучины». Мертвенно-бледная кожа отдавала серым, под синими глазами без зрачков залегли темные круги, тонкие пальцы теребили край комбинезона. Взгляд был затравленным: он быстро обежал нас, потом коридор за нашими спинами.

За его спиной я увидел признаки спешных сборов: часть оборудования уже упакована в контейнеры с маркировкой Атлантов, другие приборы лежали на полу вперемешку с инструментами и схемами.

Он собирал лабораторию во второй раз за два месяца.

— Опять вы? — его голос был напряженным шепотом. — Что вам нужно? У меня нет времени.

— Ты ушел со «Сердца Пучины», — сказал я.

— Я ушел из мертвой зоны в чужой город, где меня видно с любого яруса. — Он усмехнулся, и это было страшнее, чем если бы он закричал. — Догадайся, смертный, что должно было случиться, чтобы это стало разумным решением.

— Векс мертв, — сказал я. — «Гавани» больше нет.

Что-то дрогнуло в его лице. Не жалость. Скорее — подтверждение.

— Значит, они опоздали, — сказал он тихо. — А приходили за мной.

— Кто?

Он не ответил.

— Нам нужна информация, Кайрос, — сказал я как можно спокойнее. — Мы ищем механика по имени Сайлас. Говорят, он работал с моим отцом, Теодором Крестом.

Упоминание Сайласа заставило его вздрогнуть. Он бросил еще один быстрый взгляд в коридор.

— Сайлас... Да, знаю. Скользкий тип. Торгует всем подряд — запчастями, информацией, совестью, если она у него когда-либо была. Мастерская на три уровня выше, сектор Бета-9. — Он помедлил, взгляд стал жестче. — Но я бы посоветовал держаться от него подальше.

Особенно тебе, сын Креста. Сайлас умеет улыбаться, но его улыбка часто скрывает зубы. Не доверяй ему. И не говори лишнего. Особенно о проектах твоего отца. Например, о «Рассвете».

Я поднял бровь.

Имя «Рассвет» я узнал сам, из планшета отца, в доке горящей Гавани. Я не произносил его вслух ни разу.

— Ты знаешь о «Рассвете»?

Кайрос махнул рукой, будто отгонял муху.

— Слышал обрывки. Безумная затея твоего отца. Пытаться тягаться с технологиями Предтеч... Смертные слишком самонадеянны. Это всегда плохо кончается. — Он снова нервно оглянулся. — Все, уходите. Мне нужно идти.

— Что случилось? Ты в опасности? Кто-то приходил? — начал я, но он резко перебил.

— Не ваше дело! — голос сорвался на шипение. — Просто уходите! И забудьте дорогу сюда!

Он захлопнул дверь, и мы услышали, как с той стороны щелкнул замок.

Я постоял мгновение, глядя на глухой металл.

Кайрос был напуган. Очень напуган. И его предупреждение насчет Сайласа звучало искренне.

Второй человек за месяц называл мне это имя как проклятие. Первым был дядя Арто, и он умер прежде, чем успел объяснить.

* * *

Вывеску «Надежные Механизмы» мы нашли без труда.

Внутри было на удивление чисто и светло. Станки, диагностические стенды, сварочные аппараты — не новые, но ухоженные и расставленные с толком. Пахло машинным маслом без примеси гнили и еще чем-то сладковатым, вроде дешевого парфюма. У стены стояли стеллажи с аккуратно разложенными запчастями.

Хозяин сидел за массивным столом в углу и говорил по селектору командным тоном.

— ...нет, этот модуль пойдет на баржу Корвина, а реле давления для катера Гракса еще не привезли! Рикки, проследи! — он заметил нас, выключил селектор и расплылся в широкой, профессионально-радушной улыбке. Лысина под неизменной кепкой блестела в свете ламп.

— А, новые лица! Ремонт? Запчасти? Самая точная диагностика на всем «Вздохе»? Чем могу служить?

— Мы ищем Сайласа.

— Вы его нашли! — он поднялся навстречу, протягивая пухлую, слегка влажную руку. Дорогой, но заляпанный комбинезон поверх чистой белой рубашки. На пальце кольцо с мутным камнем. — А вы, молодые люди, надо полагать?..

Я секунду медлил.

Можно было назваться как угодно. На Дне никто не проверяет имен.

Но человек, который двадцать лет назад возил моему отцу оборудование, был единственной дверью, которая у меня была. Такие двери не открываются перед чужаком с выдуманной фамилией.

— Гром. Майкл Крест. Это Сарра. Мы с «Тихой Гавани». Мне сказали, вы были знакомы с моим отцом, Теодором.

Глаза Сайласа округлились.

Улыбка на мгновение застыла, потом стала еще шире, почти неестественно. Он сжал мою руку крепче.

— Сын?! Сын барона Креста?! Вот это встреча! Святые глубины! Да я ж тебя помню, совсем крохой был! Глаза — отцовские! Слышал, конечно, что Теодор... ну... что его больше

нет. И что сын вроде как выжил. Столько лет прошло! Проходите, садитесь! Рикки! Чаю гостям! — Он подтолкнул нас к стульям. — Чем могу помочь сыну такого великого человека? Для меня это честь! Ваш отец был мне больше, чем просто барон! Почти друг! Мы с ним столько... — он запнулся, подбирая слово, — столько проектов обсуждали!

Проектов.

Отец в дневнике называл это «партиями» и писал, что от них несет ржавчиной.

Но после холодного приема Кайроса и общей враждебности базы встретить человека, который так тепло отзывается об отце и готов помочь, было как глоток свежего воздуха.

Я знал, что должен быть осторожен. Меня предупреждали дважды.

И я все равно сел на этот стул и взял этот чай. Потому что двадцать лет никто не говорил мне «я знал твоего отца» с улыбкой.

— Нам нужны запчасти для «Тихого Странника», — сказал я. — На Верфи не нашли всего, что нужно. Вот список.

Сайлас пробежал глазами планшет.

— «Странник»... Да, помню эту старую рабочую лошадку Арто. Надежная машина, но годы берут свое... Резонаторы типа Гамма... Стабилизатор поля Z-класса... Нейропроводник с тройным экранированием... — Он задумчиво потер подбородок. — Детальки не самые ходовые. На стандартных складах такого не найдешь. Но у Сайласа есть свои каналы! Дайте мне пару дней. Цена будет соответствующая, сами понимаете, эксклюзив. Но для сына Теодора — сделаю все возможное.

— Спасибо. Можете помочь еще кое с чем? Вы знаете, что стало с другими людьми отца? Капитаном Харпом, Элиасом, Калусом?

Мне показалось, что кольцо на его пальце на миг перестало вращаться.

— Старые ребята Креста? — Сайлас задумался ровно настолько, насколько задумывается человек, у которого ответ уже готов. — Они все разбежались со «Вздоха», как мокрицы на свету. Но я закину удочки. «Вздох» — большая база, информация здесь ходит своими путями. Как только — так сразу вам сообщу! А пока располагайтесь. Рикки! Проводи ребят в гостевую каюту. Сын барона Креста — мой гость!

Он проводил нас до двери сияющей улыбкой.

Из мастерской я вышел почти спокойным. Возможно, не все так плохо.

Уже в коридоре Сарра сказала, глядя прямо перед собой:

— Он ни разу не спросил, откуда у нас корабль Арто.

* * *

Два дня тянулись мучительно долго.

Мы старались без нужды не покидать гостевую каюту — тесное, но чистое помещение в том же техническом блоке. Я разбирал схемы отца, но мысли возвращались к разрушенной «Гавани», к маячку в кармане, к затравленному лицу Кайроса. Сарра больше молчала.

Наконец Сайлас вызвал нас к себе. На его лице сияла улыбка дельца, только что заключившего выгодную сделку.

— Ну что, поздравляю! Заказ почти выполнен! — он указал на четыре внушительных контейнера посреди мастерской. — Пришлось попотеть, поднять все связи, но достал! Резонаторы, стабилизатор, нейропроводники. Ну, почти все: пару позиций найти не удалось, совсем древний хлам. Но основа — вот она!

Я открыл один из контейнеров.

Детали выглядели внушительно — сложные конструкции из темных сплавов и кристаллов, явно не серийные. Сайлас не соврал: он действительно достал редкие компоненты.

— Сколько мы должны?

— Пятьсот восемьдесят.

Цифра была высокой, но не заоблачной. Тех кредитов, что я заработал у Рорка, почти хватало.

Я приложил ладонь к его терминалу и смотрел, как шестьсот двенадцать превращаются в тридцать два.

Девятнадцать суток чужих трюмов и промытых магистралей — четыре ящика железа и тридцать два кредита.

Здесь, на «Вздохе», кредитная система Администратора работала без сбоев. Платить так было все еще непривычно: на Гавани деньги были бумажкой, за которой стоял человек с клешней, а тут — просто число, которое честно вычиталось.

Честная система, отлаженная до блеска, и в ней ты видишь ровно то, что у тебя есть. Ничего.

— Делать бизнес с порядочными людьми — одно удовольствие! — Сайлас потер руки. — А теперь доставим добро на ваш корабль. Ящики тяжелые. Рикки! Ларс! Помогите гостям! Аккуратно, товар ценный!

— А что насчет Харпа? Есть новости?

— Пока глухо, парень, — развел руками Сайлас. — Никто не знает, где этот старый капитан осел. Но я поищу.

* * *

Путь до доков был неблизким. К «Страннику» я добрался вымотанный, помогая парням на подъемах.

Рикки и Ларс начали затаскивать контейнеры в грузовой отсек за рубкой. Я руководил размещением, стараясь расставить ящики так, чтобы они не мешали доступу к системам. Сарра стояла у открытого шлюза, рассеянно глядя на суету дока. Она выглядела бледной и отстраненной.

И тут я услышал шум.

Низкий, вибрирующий, рокочущий гул, который нарастал, приближаясь к нашему причалу.

Огромная неуклюжая машина медленно ползла по доку. Старый шахтерский буровой дрон — гигантская металлическая туша на массивных гусеницах, с демонтированным буром, вместо которого были приварены грузовые захваты. Ржавый, покрытый вмятинами, он двигался тяжело, и его изношенный двигатель издавал тот самый глубокий, резонирующий звук, эхом отдававшийся от стен.

Я знал этот звук.

Его знала вся «Тихая Гавань». На нем засыпали, под него ели, по нему определяли время смены.

Я скосил глаза на Сарру.

Она замерла.

Глаза расширились, в них застыл ужас. Дыхание стало прерывистым. Руки мелко задрожали.

Она смотрела на ползущего дрона, и я видел, как в ее сознании оживает что-то, о чем она за пять лет не сказала мне ни слова.

— Сарра... это просто погрузчик... — тихо сказал я, делая шаг к ней.

Она меня не слышала.

Она отшатнулась, будто от удара, глаза были пустыми, невидящими. Она потеряла ориентацию в собственной кабине. Нога зацепилась за край шлюза, и она начала падать назад, выбрасывая руки в поисках опоры.

Ладонь легла прямо на панель управления маневровыми двигателями у входа в рубку. Пальцы беспорядочно нажали несколько сенсоров и задели небольшой рычажок. Рычажок реверса.

Корабль содрогнулся.

Маневровые взревели на мгновение, и «Тихий Странник» резко дернулся назад. Раздался оглушительный скрежет рвущегося металла. Помощники Сайласа с криками попадали на палубу.

Я едва удержался на ногах.

Мы врезались.

Прямо в корму блестящей, идеальной «Рыбы-Меча».

Точно в свежую заплату.

* * *

Скрежет эхом прокатился по доку, перекрыв на мгновение весь остальной шум.

Внутри кабины посыпались обломки с потолка, замигали аварийные лампы, система оповещения завопила о повреждении кормовой части. Снаружи ей вторила сирена «Рыбы-Меча».

Рикки и Ларс вскочили, с ужасом глядя на смятую корму «Странника», прижатую к зияющей рваной ране на блестящем боку баронской субмарины. Оттуда тонкой струйкой сочилась радужная техническая жидкость, оставляя на палубе маслянистые разводы.

Сарра медленно подняла голову. Она посмотрела на рычаг, потом на то, что из этого вышло, и новый приступ рыданий сотряс ее тело. Она закрыла лицо руками и съежилась на палубе.

Я оцепенел лишь на секунду.

Снова корабль Гораса. И на этот раз повреждения были серьезнее. «Глаза в шахту, Гром, глаза в шахту», — стучало в висках старое присловье, но сосредоточиться было невозможно.

Со всех сторон уже шли охранники. Не бежали — двигались быстро, слаженно, окружая наш корабль и поврежденную субмарину плотным кольцом. Не меньше дюжины. Лица непроницаемые, руки наготове у электродубинок. Никакой суеты, никаких лишних криков — лишь холодная профессиональная готовность выполнить приказ. Толпа зевак мгновенно сосалась, люди жались к стенам, стараясь не отвечивать.

Все знали: гнев Гораса страшен.

— Всем оставаться на местах! — проревел старший, крупный мужчина со шрамом через щеку. — Руки на виду!

Я медленно поднял руки, вставая и стараясь оказаться между ними и Саррой.

Старший охранник осмотрел повреждения, скривился и что-то быстро сказал по радиации на плече.

Через минуту, которая показалась вечностью, сквозь расступившуюся охрану прошел он. Горас.

Он двигался медленно, почти небрежно, но в каждом шаге чувствовалась стальная уверенность. Безупречный темный китель, ни единой пылинки. Лицо — холодная маска, но в серых глазах плескался лед.

Он остановился у своей субмарины и долго, молча рассматривал новую пробоину.

Я видел, как напряглись желваки на его скулах, как побелели костяшки пальцев, когда он коснулся рваного края металла. Он не кричал и не ругался — его тишина была страшнее любого крика.

Двадцать лет назад этот человек сидел за столом моего отца.

Затем он медленно повернул голову и посмотрел на наш корабль.

Его взгляд скользнул по помятой обшивке «Странника», задержался на мне, потом на рыдающей Сарре.

Ни тени узнавания.

Я стоял в трех шагах от человека, который забрал у меня все, — и был для него никем. Мелкой помехой. Грязью под ногами. Идиотом, посмевающим дважды повредить его собственность.

Он смотрел сквозь меня, и от этого становилось еще страшнее.

А тремя уровнями выше человек в кепке с мутным кольцом на пальце уже второй день знал, что сын барона Креста вернулся на «Последний Вдох».

Это я сложил сильно позже — и до сих пор не знаю, кому он успел об этом сказать.

Глава 3. Пятьдесят тысяч

— Ущерб, — сказал Горас начальнику охраны. — Полная стоимость ремонта и компенсация за моральный ущерб и беспокойство. Пятьдесят тысяч кредитов.

Сумма была названа ровным, деловым тоном, будто речь шла о покупке связки сушонки.

— Срок выплаты — две стандартных недели. Залог за освобождение этого... корыта, — он брезгливо кивнул на «Странника», — две тысячи. В течение двух дней. Не будет выплачен штраф в срок — корабль конфисковать и продать. А этих двоих, — он небрежно махнул рукой в нашу сторону, — в шахты. Сектор 9-Гамма. Принудительная отработка долга. Выполнять.

Он развернулся и так же медленно, не оборачиваясь, пошел прочь, оставив нас под ледяным приговором.

Пятьдесят тысяч.

Две недели.

В глазах у меня потемнело.

А потом я услышал док.

Он не молчал. Он выдохнул — разом, сотней глоток, тем особым звуком, каким толпа отзывается на чужую беду, когда беда достаточно велика, чтобы быть зрелищем, и достаточно чужая, чтобы не стать своей.

Люди не расходились. Люди смотрели.

Барон и хотел, чтобы смотрели. «Публично», — сказал он, и слово это было адресовано не нам.

Где-то слева, за спинами охраны, женский голос произнес негромко, буднично, тем тоном, каким говорят «дождь пошел»:

— Все. Отработчики.

И тут же, ближе, скрипучий мужской, с ленивой жалостью человека, который такое видел много раз:

— Кто умер должным — тот не умер. Долг не отпускает.

Я вскинул голову.

Он стоял в трех шагах, докер, немолодой, с крючьями на поясе, и смотрел на меня без злобы — как смотрят на человека, которому уже все объяснили, а он еще не понял.

— Слышишь, стучит? — сказал он и постучал костяшкой по опоре причала. — Это он. Рубит породу, там, внизу, под всеми ярусами. Вечный Шахтер. Помер с долгом — и рубит.

Я знал эту скороговорку.

Я слышал ее два месяца назад на «Узле», от старика в балахоне с нашитыми образцами контрактов, — там она была рекламой, и я тогда сказал вслух: «С нами такого не случится».

Арто на это не ответил ничего. Теперь я понимал, почему.

Сарра услышала тоже. Я увидел, как ее спина стала очень прямой — так она сидела на «Узле», у стойки с похлебкой, к которой не притронулась.

— Не слушай, — сказал я.

Но я слушал сам. Под ногами, в металле причала, шла вечная вибрация огромной базы — насосы, конвейеры, реакторы, — и ее теперь нельзя было слышать иначе.

Начальник охраны — тот, со шрамом через щеку, — подошел к нам, когда барон уже скрылся, и оказался неожиданно деловитым.

— Руку, — сказал он и протянул планшет. — Оба.

— Зачем?

— Оформление. Ты думал, тебе на слово поверят?

Я приложил ладонь. Планшет пискнул, и на его экране развернулось то, что на Гавани не существовало в природе: моя карточка. Крест Майкл. База приписки — отсутствует. Статус

— без сертификации. Баланс — тридцать два кредита. И новая строка, вписанная у меня на глазах: обязательство перед бароном «Последнего Вздоха», пятьдесят тысяч, срок, отметка о залоге и о судне под арестом.

Ниже стояла галочка в графе, которую я сначала не понял: «уведомление сети».

— Что это?

— Это чтобы ты не тратил ноги, — сказал охранник почти дружелюбно. — Теперь любой терминал на базе видит, кто ты. Ни койку не снимешь, ни в долг не возьмешь, ни на смену не встанешь без разрешения. Наниматель тебя увидит и сам сообщит, если ты вдруг попробуешь заработать мимо кассы. Порядок.

Он забрал у Сарры руку — просто взял за запястье и приложил к экрану сам, не спрашивая, — и через секунду в системе появилась вторая карточка.

— Готово. Гуляйте.

Я стоял и смотрел на строку с числом, вписанную в меня самого.

На «Тихой Гавани» Администратор был сломан, и потому Векс двадцать лет решал за него, кто кому сколько должен: рукой, клешней, страхом. Я думал, что беда именно в поломке.

Здесь Администратор работал безупречно. Он записал меня за девять секунд, честно и без человека посередине.

И это оказалось гораздо хуже.

* * *

Охранники грубо вытолкали нас с корабля.

Лязгнули массивные магнитные замки на шлюзе, выставили пост — двое, у трапа, со скукающими лицами людей, которым платят за неподвижность.

Мне дали ровно столько времени, чтобы забрать личное. Планшет отца, тетради, нож, флягу. Разводной ключ Греты старший осмотрел, взвесил на ладони, подумал — и вернул. Мультиключ с двумя болтами не тронул вообще: инструмент бедняка их не интересовал.

Гаечный ключ Арто остался лежать в выемке справа от штурвала. Я протянул руку и не взял.

Не потому, что не дали. Просто он там жил, и мне нужно было, чтобы там что-то жило.

Наш «Странник» — наша единственная ниточка к свободе, наша связь с прошлым и надежда на будущее — стал тюрьмой, стоящей на приколе в чужом враждебном доке.

Рикки и Ларс испуганно ретировались, бормоча извинения и проклятия, оставив нас одних посреди равнодушной суеты.

Через десять минут док работал как ни в чем не бывало. Люди обходили нас, как обходят пролитое масло.

— Что... что нам теперь делать, Гром? — Сарра подняла на меня лицо, бледное, мокрое от слез. — Пятьдесят тысяч... Мы никогда...

— Я не знаю, Сарра, — я обнял ее за плечи, чувствуя, как она дрожит всем телом. — Но мы не можем сдаваться.

— Это я, — сказала она в мою куртку. — Это я нажала.

— Это дрон проехал мимо, — сказал я. — Это я привел нас сюда. Это Горас поставил свою красавицу у стены, где швартуют старье. Список длинный, ты в нем не первая.

Она замотала головой. Спорить было бессмысленно: я знал эту арифметику изнутри. Марк умер, потому что я не проверил решетку.

Мы отошли к дальней опоре и сели на бухту троса, потому что сесть было больше некуда.

И я начал считать.

Считать — это единственное, что механик умеет делать, когда все сломано.

Тридцать два кредита.

Тариф «серого» на «Вздохе» — я узнал его еще у Рорка, и здесь он был не лучше: без сертификата человека берут на подхват, и это от двух до четырех кредитов за смену, если смена есть. Ставка мастера третьей ступени — двенадцать. Ставка с допуском на энергосистемы — двадцать.

Пятьдесят тысяч.

При четырех кредитах за смену и без единого выходного — двенадцать с половиной тысяч смен.

Тридцать четыре года.

Если не есть. Если не платить за койку, за воду, за воздух. Если не болеть.

Если считать по-честному, с едой и углом, выходило под сорок пять лет, и это при условии, что все сорок пять лет мне будут давать работу и что я доживу.

Отец умер в сорок два.

Я сидел на бухте троса и смотрел, как в тридцати шагах от нас двое рабочих натягивают ремонтный кокон на корму «Рыбы-Меча», и понимал простую вещь: сумма выбрана не для того, чтобы ее заплатили.

Ее называли, чтобы она не была заплачена.

Двое суток на залог — это ровно столько, чтобы мы успели побегать по базе и убедиться, что бегать некуда. Две недели на пятьдесят тысяч — щедрость человека, который знает, что за две недели никто не поднимает пятьдесят тысяч честно.

Мы уже были в 9-Гамме. Оставалось доехать.

О 9-Гамме на «Вздохе» говорили так же, как у нас на Гавани говорили о дальних выработках, — то есть без подробностей и понизив голос.

Пока мы сидели, мимо прошли двое докеров с термосами, и один сказал другому:

— ...да ту же баржу и гоняют. Раз в двадцать дней приходит, разгружается пустая, уходит полная.

— Обрато-то кто ходит?

— Обрато — списки. — Второй хохотнул. — Списки ходят.

Позже, в очереди за водой, я услышал больше, чем хотел.

Что смена там четырнадцать часов, потому что «долг растет круглосуточно». Что жилой ярус — общий, в старой выработке. Что долг не гасится с зарплаты, а зачитывается по норме выработки, а норму назначает база. Что человек, умерший в 9-Гамме должным, долг с собой не уносит: остаток переписывают на родню, если родня есть, а если нет — списывают на сектор, и норму сектора поднимают.

Последнее мне объяснил парень лет двадцати, у которого брат был там третий год, — объяснил спокойно, как объясняют устройство насоса.

— Так что вы за девчонку не бойтесь, — сказал он, глянув на Сарру. — Девчонок в забой не ставят. Девчонок ставят на сортировку.

Он явно считал, что утешил.

Я попробовал наняться в тот же вечер.

Пятый причал, разгрузка контейнеровоза, бригадир с хриплым голосом, которому не хватало двух пар рук на ночную смену. Он оглядел меня — рост, плечи, мозоли — и уже кивал, когда приложил планшет.

Планшет пискнул.

Бригадир посмотрел на экран, потом на меня, и лицо у него стало усталым.

— Не могу, парень.

— Я работаю за половину.

— Ты не понял. Я тебя возьму — мне прилетит уведомление, что я нанял должника барона. И либо я твой заработок отдам в счет долга, либо объясняю охране, почему нет. — Он сплюнул. — Мне это надо?

Он даже не был зол. Он просто читал, что написано.

С койкой вышло быстрее. Ночлежка на четвертом ярусе, шесть кредитов за сутки, хозяйка с добрым лицом: приложите ладонь, милые. Приложили. Доброе лицо не изменилось ни на йоту.

— Мест нет, — сказала она.

За нашими спинами двое парней с грузовой платформы приложили ладони и получили койки.

К полуночи я понял, что метка работает лучше любого конвоя. Нас никто не сторожил. Нас просто отключили от базы — от еды в долг, от работы, от угла, — и оставили гулять по ней с тридцатью двумя кредитами в кармане и двумя сутками до конфискации.

Это и было наказание. Публичное, как барон и обещал: не побои, не карцер, а человек, который на глазах у всех ходит по городу и не может в нем ничего.

* * *

Первая мысль — Сайлас.

Он казался таким дружелюбным. Помнит отца, помог с деталями. Может, он сможет помочь и сейчас? Одолжит денег? Даст совет? Он же местный, у него связи.

Мы бросились к его мастерской.

Дверь была заперта. Изнутри не доносилось ни звука. Мы стучали, звали — тщетно.

— Может, он ушел по делам? — с надеждой предположила Сарра.

— Возможно, — я посмотрел на запертую дверь с тяжелым предчувствием. — Подождем.

Мы присидели на пыльном полу в коридоре несколько часов, но Сайлас так и не появился.

Мимо ходили люди. Один раз прошел Рикки — тот самый паренек, что тащил наши ящики. Он увидел нас, дернулся, как от удара током, и свернул в боковой проход, хотя ему явно было не туда.

Слух шел по базе быстрее нас.

Отчаяние подкрадывалось снова. Что, если Сайлас просто исчез? Или не захочет помогать, узнав, в какую переделку мы попали? Связываться с теми, кто навлек на себя гнев Гораса, было опасно.

— Кайрос, — вспомнил я. — Он собирался бежать. Значит, ему нужны деньги, а у него есть вещи. Может, он еще здесь.

Это была слабая надежда, почти безумная, но мы ухватились за нее.

Мы снова спустились в темные, гнилые лабиринты «Осадка».

По дороге я зашел в скупку.

Их в «Осадке» было три, и та, что попалась первой, называлась просто «Обмен» — конура с решеткой, за решеткой старуха и лампа. Скупщики метки не боятся: у них терминала нет, у них весы.

Я выложил на прилавок фонарь.

— Два, — сказала она.

— Он рабочий.

— Два.

Я выложил разводной ключ Греты. Старуха взвесила его на ладони, как охранник в доке, посмотрела на оплавленную губку.

— Четыре. Металл хороший.

Я стоял и смотрел на этот ключ.

Я поднял его у порога сгоревшей мастерской, где тридцать пять лет женщина учила меня, что железо надо уважать. Он не был мне отдан по обряду. Он был единственной моей вещью, взятой самовольно, и, наверное, поэтому я держал его крепче остальных.

Четыре кредита.

Тридцать два и четыре — тридцать шесть. До залога не хватало тысячи девятисот шестидесяти четырех.

Вот в чем была настоящая мерзость этой арифметики: продать можно было все, что у меня осталось от всех, кого я похоронил, — и не приблизиться ни на шаг.

— Не продаю, — сказал я и забрал ключ.

Старуха пожала плечами. Ее это не удивило: за решеткой у нее было навалено чужой памяти на несколько тонн.

Фонарь я все-таки оставил. Два кредита — это две миски пасты, а Сарра со вчерашнего дня ничего не ела.

Вниз мы пошли в темноте, светя себе экраном планшета.

Дверь была выломана окончательно, петли сорваны.

Я остановился на пороге и сначала просто смотрел.

Оборудование было разбито вдребезги, стеллажи опрокинуты. Транспортные контейнеры с маркировкой Атлантов, которые Кайрос упаковывал для побега, валялись в углу вскрытыми, содержимое разбросано или унесено.

— Его схватили? Или убили? — прошептала Сарра, прижимая руку ко рту.

— Подожди.

Я включил фонарь и вошел.

Механик отличается от обычного человека одним: он смотрит не на беспорядок, а на порядок внутри беспорядка.

Стенд был разбит кувалдой — сверху, с размаху, в панель управления. Стеллажи опрокинуты все до одного, и опрокинуты на себя, к центру комнаты, — так валят, когда хотят видеть, что за ними на стене.

А контейнеры не били.

Их вскрыли аккуратно, по замкам, один за другим. Крышки лежали рядом, ни одной погнутой. Содержимое высыпали на пол и разгребли — я видел борозды в пыли от ладоней в перчатках.

Это был не грабеж.

Грабитель уносит контейнер целиком и вскрывает его дома. Здесь искали конкретную вещь, знали, как она выглядит, и не собирались тащить лишнее. А потом разнесли все остальное — не в поисках, а после. Чтобы не осталось того, что искали, даже если они это не нашли.

На ребре одного контейнера темнело засохшее пятно.

Немного. Ладонь, не больше. Кто-то оперся, уже раненый.

Крови на полу почти не было. Значит, его увели живым — или унесли сразу.

Я посветил на стену за опрокинутым стеллажом. Там, на старой панели, шел ряд служебных строк на языке, который я теперь читал, — и одна из них была свежо процарапана поперек чем-то острым. Не надпись. Просто перечеркнуто.

Так зачеркивают строку в списке.

— Гром, — тихо сказала Сарра от двери. — Пойдем отсюда.

Я стоял еще секунду, светя на этот вымаранный ряд, и думал о том, что Кайрос сказал мне трое суток назад.

«Приходили за мной».

Он бежал с «Сердца Пучины» через полокеана, сунулся в чужой город, вышел из мертвой зоны — и его нашли за месяц. Нашли те, кто знает, как выглядит нужная им вещь, и умеет открывать замки Атлантов, не ломая их.

Я не знал, кто они. Я знал только, что мы приходили сюда вчера. Стучали в эту дверь условным ритмом. Стояли под ней вдвоем, у всех на виду, и торговка ветошью двумя тупиками выше отлично нас запомнила — даром, потому что тут запоминают всех.

Мы вернулись на средний уровень, к мастерской Сайласа.

Мы были одни. Абсолютно одни в этом огромном враждебном городе, без денег, без корабля, с приговором, висящим над головой.

Просидели у его двери до позднего вечера, почти потеряв всякую надежду.

Сарра заснула у меня на плече, вымотанная так, что даже не вздрагивала. Освещение в коридоре переключилось на ночной режим — половина ламп погасла, оставшиеся стали тусклее и желтее.

Перед тем как заснуть, она сказала:

— Давай уйдем.

— Куда?

— Никуда. Просто уйдем. Тут каждые сутки уходит по десять кораблей. Заберемся в трюм, вылезем на первой же станции. — Она говорила в мою куртку, не поднимая головы. — Корабль все равно уже не наш.

Я долго не отвечал.

Не потому, что это было глупо. Потому что это было почти разумно, и я успел додумать эту мысль до конца еще на бухте троса.

— Метка, — сказал я наконец. — Стыковка идет через Администратора. Приложишь руку в любом шлюзе — и он увидит, кто мы. А не приложишь — не откроется шлюз.

— Можно без шлюза. В контейнере.

— Можно. Дней десять, если повезет с рейсом, без воды и с грузовым давлением. — Я подумал и добавил честно: — И еще. На «Страннике» дневник и ключ Арто. И тетрадь Векса. И если мы уйдем, я никогда не узнаю, кто из четверых жив.

Она молчала.

— И письмо, — сказал я. — Лира ответит на этот терминал. Ответ придет сюда, ко мне, на карточку, в которой теперь написано, что я должник барона. Если мы исчезнем, оно просто ляжет в систему и будет там лежать.

— Ты все посчитал, — сказала она без выражения.

— Я считаю с обеда.

— И что получается?

Получалось, что честных выходов нет.

Есть залог за двое суток, которого нам не собрать, продав все, что у нас есть, включая память о мертвых. Есть пятьдесят тысяч за две недели, которых на Дне не зарабатывают руками ни за какой срок. И есть 9-Гамма, куда нас довезут бесплатно.

Значит, выход будет нечестный. Единственный вопрос — чей.

— Что-нибудь придумаем, — сказал я.

Она уснула через минуту, а я остался сидеть с этим враньем во рту.

Тридцать два кредита. Тридцать четыре, если считать сдачу за фонарь. Двое суток до конфискации.

Я сидел в темноте на чужом полу, слушал, как в переборках гудит база, и ловил себя на том, что снова прислушиваюсь — не стучит ли там, внизу, под всеми ярусами.

А потом в дальнем конце коридора послышались шаги.

И свист.

Кто-то шел к нам, насвистывая какую-то мелодию, — легко, вразвалочку, как человек, у которого выдался хороший день.

Глава 4. Липкая ладонь

Он шел по коридору технического блока и насвистывал.

Я знал эту мелодию — ее свистели грузчики на «Вздохе», когда смена заканчивалась хорошо. Три такта вверх, два вниз, пауза. Человек, у которого выдался хороший день.

Свет аварийной лампы вытащил его из темноты по частям: кепку, круглое лицо, мешки под глазами, улыбку. Улыбка появилась последней и была отрепетирована заранее.

— Ребята! Вы еще здесь? Что случилось? Вид у вас... — он осекся, увидев наши лица. — Ох, святые глубины! Дошли слухи... про корабль Гораса... Неужели это правда? Пятьдесят тысяч?! И две недели?! Какой ужас! Бедные вы мои, бедные! Как же так угораздило?

Слухи, подумал я.

Приговор объявили шесть часов назад, у четвертого причала, при полном доке. Слухи на «Вздохе» ходили быстро, это правда. Но у него они уложились в две недели и пятьдесят тысяч — до последнего кредита, до последних суток.

А еще его мастерская стояла запертой с самого утра — то есть задолго до того, как Горас открыл рот. Помощники разбежались, и весь этот день он был недоступен ни по одному каналу.

Он затащил нас в свою мастерскую, усадил, снова налил какой-то мутной бурды, причитая и охая. Его сочувствие казалось искренним.

Оно и было искренним. В этом и была вся штука.

Он подкладывал Сарре под спину свернутую ветошь, чтобы ей было мягче сидеть на ящике. Он ругал Гораса — вполголоса, оглядываясь на дверь, как ругают барона люди, которые действительно боятся. Он налил мне первому, потому что я был старший мужчина за столом. Он ни разу не сказал ничего, за что можно было бы зацепиться.

«Он тебя не грабит, — сказал дядя Арто у борта “Странника”, за неделю до того, как его убили. — Он тебя выручает».

Я сидел в мастерской «Надежные Механизмы», держал в ладонях чужую кружку и чувствовал, как две вещи, до сих пор лежавшие в голове порознь, сходятся друг с другом с медленным, тошнотворным щелчком.

«Одно имя запомни. Сайлас».

«Сайлас умеет улыбаться, но его улыбка часто скрывает зубы».

Один сказал это в темноте у борта, не зная лица. Другой — в подвале «Осадка», понизив голос до шепота; его лаборатория сейчас лежала разгромленной, а на ребре контейнера подсыхал отпечаток окровавленной ладони.

Двое — мертвый и пропавший — предупредили меня об одном и том же человеке.

И этот человек как раз доливал моей сестре теплой воды и говорил ей, что все еще обрывается.

— Мы не знаем, что делать, Сайлас, — сказала Сарра дрожащим голосом. — У нас нет таких денег. Нас отправят в шахты...

— Ну-ну, тише, девочка, тише! — Сайлас похлопал ее по плечу своей пухлой рукой. — Нельзя отчаиваться! Старый Сайлас что-нибудь придумает! Я... я тут подсутился, поговорил с кем надо... В общем, — он понизил голос до заговорщицкого шепота, — я могу вам помочь. Выручить, так сказать. Из уважения к вашему отцу.

— Кайрос пропал, — сказал я.

Улыбка не дрогнула. Она сделала другое: чуть замедлилась, как замедляется механизм, в который прошла лишняя команда.

— Кто?

— Механик из «Осадка». Бледный такой. Ты его знаешь. Ты сам говорил, что он скользкий.

— А-а, этот. — Сайлас махнул рукой и снова стал прежним. — Так они там все пропадают, парень. Нижние ярусы, что ты хочешь. Сегодня человек есть, завтра он должен не тому, кому надо, и все, ищи ветра. Тебе бы о себе подумать, а не о нем.

Я подумал о нем ровно столько, сколько мог себе позволить.

Потом отставил кружку.

— Помочь? Чем? — спросил я без особой надежды.

— Деньгами! — глаза Сайласа заблестели. — Я могу внести залог за ваш корабль! Две тысячи — серьезная сумма, конечно, но ради детей Теодора... я рискну! И еще... дам вам немного сверху. На самый необходимый ремонт «Странника», чтобы он хоть летать мог, да на еду. Скажем... еще шестьсот кредитов? Чтобы вы совсем с голоду не померли. Вот, держите!

Он ловко активировал свой имплант, и на моем дисплее высветилось уведомление: «Получено 2600 кредитов от Сайласа Кейси».

Две тысячи шестьсот кредитов.

Накануне у меня было тридцать четыре. Я продал фонарь за два и не продал разводной ключ Греты, потому что за него давали четыре.

Строка на дисплее не была похожа на спасение. Она была похожа на то, как выглядит вода, если смотреть на нее снизу: светлая, ровная — и очень далеко.

* * *

Я попросил минуту. Сказал, что нужно посчитать.

Сайлас развел руками — считай, парень, дело хозяйское, — и ушел в дальний угол мастерской орать на кого-то по каналу.

Я сел на ящик и стал считать.

Считать было нечего, и в этом заключалась вся арифметика.

Утром я обошел одиннадцать нанимателей. У всех одиннадцати терминал показывал одно и то же: обязательство перед бароном, пятьдесят тысяч, отметка «уведомление сети». Бригадир пятого причала даже не дослушал — просто повернул ко мне экран, чтобы я увидел сам, и пошел дальше. Ночлежка за шесть кредитов отказала не из вредности: система не приняла бы оплату с помеченной карточки. В кредитной конторе на третьем ярусе висело объявление, что должникам барона отказ автоматический — без очереди и без обиды.

Официально я не мог заработать на «Вздохе» ни одного кредита. Не мало — ни одного. Дверь была не заперта, ее просто не было в стене.

Оставалась вторая экономика, и ее расценки я к тому времени знал наизусть. Смена без сертификации и без имени — от двух до четырех кредитов. Мастер третьей ступени — двенадцать. Допуск на энергосистемы — двадцать, и допуска у меня не было.

Две тысячи залога — это от пятисот до тысячи смен. Полтора года без сна, еды и выходных.

У меня было двое суток.

И как только я досчитал до конца, я перестал понимать, о чем вообще думаю. Ловушку я видел. Видел так ясно, как редко видел что-нибудь в жизни. Но между «видеть ловушку» и «иметь другой выход» лежало расстояние, которое ни один из моих модулей не умел сокращать.

Я огляделся.

Мастерская работала. Рикки, тощий парень чуть старше меня, перебирал клапаны за верстаком — быстро, зло, не поднимая головы. Ларс, здоровяк с приплюснутым носом, таскал ящики. За перегородкой кто-то шлифовал, и звук был ровный, привычный, как дыхание.

— Долго тут работаешь? — спросил я Рикки, когда он потянулся за ветошью.

Он глянул на меня искоса.

— Четвертый год.

— Платит нормально?

Рикки хмыкнул так, что мне стало холодно.

— Он мне не платит, — сказал он тихо, не переставая крутить клапан. — Я ему отдаю. Разницу понял?

— Не совсем.

— У меня отец слег. Лекарь запросил восемьсот. Взял у Сайласа. — Он положил клапан, взял следующий. — Через три месяца стало тысяча двести. Через год — две. Я тут смены закрываю в счет процентов, парень. Тело долга за четыре года не тронул ни разу.

— А уйти?

— Куда? — Он посмотрел на меня прямо, и я узнал этот взгляд: так на Гавани смотрели люди, которым Векс закрыл кредит. — Метка в сети. С меткой никто не наймет. Снять метку может тот, кому должен. А должен я ему.

Он вернулся к клапанам.

— Ты, главное, не думай, что он злой, — добавил он через минуту, совсем тихо. — Он не злой. Он просто всегда оказывается рядом, когда тебе плохо.

Я смотрел на трех человек, работавших в этой мастерской, и понимал, что смотрю на свое ближайшее будущее с четырехлетним стажем.

Дядя Арто ошибся в одном.

Он говорил о Сайласе так, будто Сайлас — редкость. Человек, которого надо суметь узнать, чтобы не попасться. А Сайлас был не редкостью. Он был тем, что вырастает в любом месте, где Администратор работает безупречно, а половина людей в этот Администратор не помещается. Убери Сайласа — завтра на его ящике будет сидеть другой, с другой фамилией и такой же теплой кружкой.

Не злодей.

Ниша.

* * *

— Ну что, посчитал? — Сайлас вернулся, потирая руки. — Голова у тебя отцовская, я же вижу.

— Посчитал, — сказал я. — Говори условия.

— Но, сами понимаете, — Сайлас понизил голос, его улыбка стала вкрадчивой, — я человек деловой. И риск огромный. Так что вернуть долг нужно будет... ну, скажем, через неделю. И... с небольшими процентами. За риск и дружбу. Скажем... четыре тысячи? По-божески ведь, а?

Четыре тысячи за неделю.

Проценты я даже не стал пересчитывать. Их не было смысла считать: это были не проценты, а цена того, чтобы двое суток превратились в семь.

— А как... как мы заработаем столько за неделю? — выдавил я.

— А вот тут самое интересное! — Сайлас хлопнул себя по колену. — У меня как раз есть для вас работа! Опасность, конечно, есть, как и в любом деле на Дне. Но и платят соответственно! С лихвой хватит, чтобы со мной рассчитаться, и еще останется! Ну что, согласны? Это ваш единственный шанс, ребята!

Он протянул мне руку.

Я посмотрел на Сарру.

Она сидела на ящике, обхватив колени, и с той минуты у причала не сказала мне и десяти слов. Не плакала — плакала она днем. Сейчас у нее было ровное, застывшее лицо человека, который держит что-то тяжелое и боится: пошевелится — уронит.

Я знал, что она держит. Рычаг реверса, который дернула в доке. И будет держать еще очень долго.

Она кивнула, и в ее глазах была слабая искорка надежды.

Я смотрел на протянутую ладонь и думал: вот оно. Дядя сказал — не спорь, не связывайся и не ври ему. Просто заметь себе, что он был рядом, и запиши в голове дату.

Он был рядом. Четвертые сутки на «Вздохе», вечер, технический блок, сектор Бета-9.

Записал.

— По рукам, — сказал я, пожимая его липкую ладонь.

Чувство ловушки меня не покидало. Оказалось, это совсем не страшно и вовсе не похоже на то, как я себе представлял. Просто одна ладонь в другой, теплая и влажная, и очень крепкое пожатие человека, который умеет пожимать руки.

— Вот и отлично! — просиял Сайлас. — Вносите залог, забирайте свое корыто, подла-таем немного, и я дам все инструкции по заданию. Не переживайте, ребята, прорвемся! Старый Сайлас о вас позаботится!

* * *

Залог мы внесли утром, у терминала при доковой конторе.

Я приложил ладонь — и та же система, которая накануне закрыла передо мной всю базу, приняла две тысячи кредитов и переписала мою карточку.

Строка про пятьдесят тысяч осталась. Отметка «уведомление сети» осталась. Пропала только пометка об аресте судна, и где-то в глубине причального механизма щелкнули магнитные замки.

Двое охранников у трапа посмотрели на планшет, посмотрели на меня и ушли, не сказав ни слова. Их работа кончилась.

«Странник» стоял так, как его оставили: смятая корма, погасшие ходовые, холодное нутро. Внутри пахло железом и стоялым воздухом. Гаечный ключ Арто лежал в выемке справа от штурвала — там, где я его оставил.

Четыре контейнера с деталями Сайласа были в трюме. Пломбы целы, крепления не тронуты. Пятьсот восемьдесят кредитов редких компонентов, ради которых я отработал у Рорка девятнадцать суток, — все на месте.

Их не взяли, потому что барону они были не нужны. Барон забирает корабли и людей, а не резонаторы типа Гамма.

Я стоял в трюме и чуть не сел на палубу именно от этого.

Корму латали полтора дня. Ларс приволок лист обшивки и баллоны, Рикки помогал с резак — их время Сайлас вписал «в счет дружбы», а материал взял с меня по цене: триста восемьдесят кредитов, «свои, без наценки». Варил я сам. Шов вышел уродливый, но плотный; давление он держал, а большего от него не требовалось.

Сарра работала рядом и молча подавала инструмент раньше, чем я успевал попросить.

— Гром, — сказала она наконец, когда я гасил резак. — Ты ведь понимаешь, что он нас купил?

Первые ее слова за сутки — и сразу правильные.

— Понимаю.

— И все равно?

— И все равно, — сказал я. — Двое суток стали неделей. Это все, что мы выиграли. Больше выиграть было нечего.

Она кивнула и больше не спрашивала. Из нас двоих она первой назвала вещи своими именами, и мне до сих пор стыдно, что не я.

Сорок кредитов ушли на воду и стандартную пасту.

Осталось двести четырнадцать.

* * *

Утром мы нашли Сайласа в его мастерской.

Он уже был на ногах, отдавал распоряжения помощникам и насвистывал ту же бодрую мелодию.

— А, вот и вы, голубчики! Готовы к труду на благо Дна? — он широко улыбнулся, увидев нас. — Я как раз все подготовил! Заказ — проще не бывает! Слушайте внимательно.

Он развернул на столе карту сектора.

— Есть одна старая добывающая платформа, вот здесь, — он ткнул пальцем в точку на окраине известного пространства, в стороне от основных маршрутов. — «Скала Грифа». Заброшенная вроде как. Там небольшая бригада рабочих. Толковые ребята, специалисты по глубоководному бурению. Их нужно забрать оттуда. Срочно. И перевезти на точку срочного заказа.

— Забрать? А что они там делали? — спросил я.

— Да кто их знает! — отмахнулся Сайлас. — Может, старую шахту вскрывали, может, отдыхали. Не наше дело. Главное — забрать и доставить. Их там шесть человек. Координаты платформы я скинул. Маршрут, правда, не самый приятный, — он провел пальцем по извилистой линии, обходящей известные патрульные зоны Баронатов, но пролегающей через сектор с повышенной сейсмической активностью и скоплениями агрессивной фауны. — Придется крюк сделать. Но за это и платят! Срочность и риск!

Я смотрел на маршрут и видел, что он не соврал ни в одной линии. Крюк был крюком, сейсмика — сейсмикой, патрульные зоны он обошел честно. Человек, который собирается тебя обмануть, обычно врет в мелочах. Сайлас в мелочах не врал вообще.

— А куда их везти? — спросила Сарра.

— А вот сюда, — Сайлас указал на другую точку, на противоположном конце сектора. — База «Каменный Карман». Небольшая, утилитарная. По сути — карьер. Добывают там что-то для строительных нужд. Этим ребятам там как раз работа найдется. Ваша задача — просто доставить их из точки А в точку Б. Целыми и невредимыми. И как можно быстрее.

— И все? — я с недоверием посмотрел на него. — Просто перевезти рабочих? Почему такая спешка и такой сложный маршрут?

— Ну, — Сайлас понизил голос, — говорят, на «Скале Грифа» туго с транспортом. А у ребят контракт. Вот заказчик и готов платить за скорость. Обычная история на Дне, парень! — он подмигнул. — Оплата — полторы тысячи кредитов. Солидно, а? Но! — он поднял палец. — Оплата только по факту доставки всей бригады на «Каменный Карман». Так что не теряйте никого по дороге!

Полторы тысячи.

На долг Горасу этого не хватило бы и на сотую часть. Но это была почти половина того, что я должен был отдать Сайласу через неделю, и первый в моей жизни заказ, за который платили не по трети ставки.

— Мы согласны, — сказал я.

— Вот и отлично! — Сайлас просиял. — Тогда слушайте дальше. Я вам даю топливные элементы — на этот маршрут, туда и обратно. И паек — вода, стандартная паста, для вас и шахтеров. Не шик, но на пару дней хватит. Ваша задача — строго следовать маршруту, который я вам дам. Никаких отклонений! И не болтать лишнего ни на «Скале Грифа», ни на «Каменном Кармане». Забрали — доставили — получили расчет. Ясно? Срок — три дня максимум. Заказчик нервничает.

Он передал мне чип с координатами, маршрутом и кодами доступа для стыковки на обеих базах.

— Идите, готовьте корабль. Топливо и припасы мои ребята уже несут в док. И помните — от этого контракта зависит ваше будущее! Не подведите старину Сайласа!

Мы вышли из мастерской.

Заказ действительно выглядел простым. Простым, тяжелым и грязноватым — таким, каким и должна выглядеть работа, за которую человеку без сертификации платят полторы тысячи.

Я пересчитал еще раз, уже на трапе. Шесть человек, трое суток, паек на двое. Топливо туда и обратно. Коды стыковки на обеих базах — у посредника, который сам говорил, что узнал о заказе только вчера.

Все сходилось. И как раз это мне не нравилось: у Сайласа сходилось слишком много вещей сразу, а у меня вторую неделю не сходилась ни одна.

И эта улыбка Сайласа... слишком уж довольной она была.

Но мы были загнаны в угол.

Ларс и Рикки поднимали по рампе топливные элементы. Проходя мимо, Рикки сказал — тихо, себе под нос, так, чтобы можно было потом сделать вид, что он ничего не говорил:

— Первый заказ он всем дает хороший, парень.

Он сгрузил элемент в отсек и пошел за следующим.

Я стоял на рампе своего корабля. В кармане лежал чип с координатами, а в сети — две строки: пятьдесят тысяч на тринадцать суток и четыре тысячи на семь. И я вспомнил, как дядя Арто постучал костяшками по этому самому борту и сказал, что подарок на Дне — это трещина.

Трещину не видно, пока не поднесешь лампу.

И она никогда не идет обратно.

— Отдавай швартовы, — сказал я Сарре.

Глава 5. Пассажиры

Полет к «Скале Грифа» занял двое суток вместо расчетных полутора.

Маршрут, проложенный Сайласом, действительно вел нас через задворки Дна — мимо кладбищ старых кораблей, сквозь зоны повышенной тектонической активности, где корпус «Странника» скрипел и постанывал от перегрузок, и через мутные воды, кишасшие мелкими, но агрессивными хищниками, которые то и дело с глухим стуком бились о внешнюю обшивку.

Мы шли вахтами по шесть часов. Я вел, Сарра считала курс и следила за эхолотом; потом мы менялись, и она сидела рядом со мной в кресле штурмана, а я спал сидя, потому что лечь означало не встать вовремя.

На вторую ночь — ночь на корабле условная, ее назначаешь себе сам — я проснулся от того, что она говорила.

Не мне. Просто говорила, глядя в приборы.

— Мне было шестнадцать, — сказала она. — Марку — шесть.

Я не пошевелился.

— Отец работал с большим буровым дроном. «Сверло», как его называли... Старая модель, вечно ломалась. В тот день что-то пошло не так с гидравликой. Он пытался остановить бур, но тот не слушался. Дрон взбесился. Он начал крушить крепь, стены... Отец кричал в рацию, звал на помощь. Мама работала рядом, на сортировке руды. Она побежала к нему. Пыталась...

Она замолчала. Приборы мигали. Что-то мелкое и злое ударилось в обшивку над нашими головами и ушло в темноту.

— А потом грохот, — сказала она. — Пыль. Крики.

— Сарра.

— Я видела. Сквозь пыль. — Она произносила слова ровно, как читают опись. — Я стояла там и не могла пошевеливаться. Только смотрела. И он все гудел. Этот низкий гул. Он не менялся, понимаешь? Вообще не менялся. С ним ничего не происходило.

Она сглотнула и посмотрела на меня — впервые за весь рассказ.

— Дальше не буду, — сказала она.

— Не надо, — сказал я.

Я знал эту историю в общих чертах. Грета рассказывала, что родители Сарры погибли в шахте при аварии с буровым дроном. Подробностей я не знал, а Сарра никогда об этом не говорила.

Теперь я знал больше и понимал, что услышал не все. Она отдала мне ровно тот кусок, который могла отдать, и остановилась там, где начиналось невыносимое.

А потом я сказал то, что говорить не следовало.

— Сарра, — сказал я тихо, но твердо. — То, что случилось тогда, — ужасно. Это не твоя вина. Но сейчас мы не можем позволить этому страху управлять тобой. Здесь, на Дне, такие дроны — часть жизни. Ты будешь их видеть. И ты должна научиться не паниковать. Ради нас обоих.

Она долго молчала.

— Я попробую, — сказала она наконец. — Я не хочу снова все испортить.

Я тогда решил, что нашел правильные слова. Я думал, что страх — это неисправность, а неисправность чинят.

На самом деле я взял человека, который только что впервые за пять лет открыл при мне рот, и сказал ему: чини себя, ты мешаешь.

Она больше не говорила об этом ни в тот рейс, ни в следующий. Понадобилось очень много всего, чтобы она заговорила снова, и к тому времени я уже знал, каким дураком был этой ночью.

Дядя Арто, наверное, промолчал бы. Он умел молчать так, что человеку становилось легче.

Я не умел.

* * *

Наконец, на экране дальнего сканирования появился сигнал. «Скала Грифа».

Это была не база в привычном понимании. Скорее, гигантский промышленный комплекс, вросший в массивное подводное плато. Еще на подлете стало ясно, что это действующий объект, а не заброшенная платформа, как уверял Сайлас. Множество рукавов-коридоров расходились от центрального перерабатывающего узла, уходя глубоко в скальную породу. Вода вокруг была мутной от буровой пыли и взвеси, видимость — почти нулевая. Даже сквозь толщу воды до нас доносился низкий, непрекращающийся гул работающих механизмов — не такой, как в доках «Вздоха», а монотонный, давящий, промышленный рев.

— Не похоже на заброшенную платформу, — заметила Сарра, всматриваясь в экран. — Тут жизнь кипит. Смотри, корабли!

Она была права.

Вокруг комплекса, на разных уровнях, виднелось несколько пришвартованных или маневрирующих судов — в основном тяжелые рудовозы и грузовые баржи. Странно для места, где, по словам Сайласа, туго с транспортом. Еще страннее было то, что огромный главный док, к которому нас направляли координаты, зиял пустотой.

Ни одного корабля на причале. Но при этом...

— Слышишь? — я прислушался. Сквозь гул механизмов пробивался другой звук — тонкий, прерывистый вой. — Это сигнал тревоги.

— Тревога? — Сарра напряглась. — Что здесь происходит? Сайлас говорил, это простая перевозка...

— Сайлас много чего говорил, — мрачно ответил я. — Снижаемся. Медленно и осторожно. Держи сканеры на максимуме. Любая подозрительная активность — сразу мне говори. Мы аккуратно подвели «Странника» к пустому причалу главного дока.

Стыковочные захваты клацнули с опозданием — система явно была не в лучшем состоянии. Едва мы заглушили двигатели, как из одного из боковых шлюзов, ведущих вглубь комплекса, показались люди.

Шестеро. Но это были не рабочие.

Высокие, широкоплечие, в потрепанных, местами прожженных и испачканных чем-то бурым комбинезонах, явно не предназначенных для бурения. Лица хмурые, не улыбочивые, с застарелыми шрамами и свежими ссадинами. Двигались они быстро, настороженно, озираясь по сторонам, будто ждали нападения.

У каждого за спиной висел или был в руках какой-то предмет — тяжелые ранцы, продолговатые свертки из грубой ткани, пара массивных металлических ящиков. Инструменты бригады?

Я вырос среди шахтеров. Я знал, как человек несет свой инструмент: небрежно, привычно, самой тяжелой частью к земле, потому что инструмент — это работа, а не ценность. Эти несли свои свертки бережно и высоко, обеими руками, прижимая к себе, как несут раненого ребенка или чужие деньги.

И еще: у бурильщика после смены руки грязные до локтя, а комбинезон чистый на груди.

У этих было наоборот.

— Это и есть «бригада»? — прошептала Сарра. — Они больше похожи на головорезов Векса... или охрану со Вздоха.

— Тише, — остановил ее я. — Не наше дело. Забрали — доставили.

Я открыл основной грузовой люк и вышел на рампу.

Шестеро подошли ближе.

От них несло потом, кровью и дешевым антисептиком. Все были ранены. У кого-то рука на самодельной перевязи, у кого-то рассечена бровь, у третьего — синяк под глазом размером с кулак. Тот, что шел первым — самый крупный, с бритой головой и злобными пороссячьими глазами, — тяжело дышал, прижимая руку к боку. Сквозь рваную ткань комбинезона я увидел пропитанную кровью повязку. Очень похоже на недавнее ранение. Возможно, даже огнестрельное — края раны выглядели оплавленными.

— От Сайласа? «Тихий Странник»? — прохрипел бритоголовый, сплевывая на палубу сгусток крови. Говорил он на густом, малопонятном сленге нижних уровней, пересыпая речь ругательствами. — Че так долго, салага? Мы тут чуть не засыпались, пока тебя ждали! Грузите шмотки! Быстро!

Его тон не предполагал возражений.

Остальные пятеро молча начали затаскивать свои «инструменты» в грузовой трюм. Двигались они тяжело, морщась от боли. Было видно, что им сильно досталось. И они явно хотели как можно скорее обратиться отсюда.

Один из ящиков они несли вчетвером и на рампе поставили — не уронили, а именно поставили, придерживая угол. Внутри мягко переложилось что-то тяжелое, не металлическое, не звякнув. Так не звучат ни буры, ни коронки, ни компрессор.

— Что здесь произошло? — не удержался от вопроса я, кивая на сигнал тревоги, который продолжал завывать где-то в глубине комплекса. — И что с вами?

Бритоголовый зло зыркнул на меня.

— Не твоя забота, «глаза в шахту»! Наше дело — «свалить в синеву», твое — крутить баранку и не задавать «ржавых» вопросов! — прорычал он и добавил: — Сайлас все объяснил? Забрал, доставил на «Каменный Карман». Получил пайку. Все! Остальное — «в трубу без выхода» для тебя! Понял?

Он угрожающе шагнул ко мне.

Я отступил на шаг.

Связываться с ними не хотелось. Особенно учитывая их состояние и то, что они, скорее всего, были вооружены.

— Понял, — процедил я. — Грузитесь.

Они быстро закончили погрузку и, не говоря ни слова, прошли в грузовой отсек. Расположились прямо на полу, среди своих ящиков и тюков, откинувшись к стенам. Вид у них был изможденный, болезненный.

Главный достал грязный бинт и снова принялся перевязывать рану на боку, тихо ругаясь сквозь зубы.

Я задраил люк и вернулся в рубку к Сарре.

— Ну и пассажиры, — она поежилась. — У меня плохое предчувствие, Гром. Что-то здесь не так. Тревога, раненые громилы вместо рабочих, эти их ящики...

— У меня тоже, — согласился я, запуская двигатели. — Это не похоже на простой контракт. Попробую связаться с Сайласом.

Я активировал имплант, вызывая Сайласа по каналу, который он нам дал. Минус десять кредитов. Я поморщился.

Двести четыре. Разговор с человеком, которому я должен четыре тысячи, стоил мне столько же, сколько трое суток жизни в ночлежке.

Он ответил почти сразу, но голос его был резким и нетерпеливым.

— Крест? Какого черта? Вы уже должны были отчалить! В чем дело?

— Мы на месте, Сайлас. Забрали «бригаду», — сказал я. — Но тут все не так, как ты описывал. База гудит, тревога воеет, а твои «рабочие» — это шестеро раненых громил, похожих на вышибал, один из них подстрелен. Что здесь произошло? И что мы на самом деле везем?

На том конце повисла короткая пауза.

Он не удивился. Вот что было в этой паузе: он не спросил ни «кто подстрелен», ни «какая тревога». Он думал, что мне ответить.

— Я сказал — не задавать вопросов, Крест! — наконец рявкнул Сайлас, и уже спокойнее добавил: — Ваше дело — доставить груз и пассажиров по координатам! Быстро и тихо! А что там у них случилось — вас не касается! Просто выполняйте заказ, если хотите вернуть свой корабль и рассчитаться с долгами! И больше не выходи на связь без крайней нужды! Отбой!

Соединение прервалось.

Я растерянно посмотрел на Сарру.

Сайлас не договаривал. И он был зол, что я начал задавать вопросы.

Похоже, мы вляпались. Теперь мы летели неизвестно куда с опасным грузом и еще более опасными пассажирами на борту.

— Что будем делать? — тихо спросила Сарра.

Я посмотрел на пустой главный док, на воющий комплекс, на тяжелые рудовозы у дальних причалов, к которым никто не бежал и никто не выходил.

Развернуться и уйти пустыми означало прийти на «Вздох» без полутора тысяч и через пять суток встретиться с Сайласом. А еще через шесть — с Горасом.

— Лететь, — мрачно ответил я, разворачивая «Странника» и беря курс по маршруту Сайласа. — Лететь и надеяться, что мы доведем этот груз и этих... пассажиров до места назначения. А там видно будет. Главное сейчас — не делать глупостей и не привлекать лишнего внимания.

Этот заказ был грязным. Очень грязным.

И я боялся, что мы можем не выбраться из этой передрыги чистыми.

А то и просто живыми.

* * *

Маршрут, проложенный Сайласом, был не просто сложным — он был сущим адом.

«Крюк», о котором он говорил, оказался петлей через самые негостеприимные сектора глубин, которые я когда-либо видел. Вода за иллюминаторами превратилась в густой, непроглядный суп из ила, взвеси и какой-то мерзкой органической слизи, которая то и дело налипала на обзорные порты, снижая и без того почти нулевую видимость.

Мы шли практически вслепую, полагаясь только на показания сонара и эхолота, которые, казалось, сходили с ума.

Точки, обозначающие скальные выступы и обломки древних конструкций, появлялись из ниоткуда прямо по курсу, заставляя резко выворачивать штурвал. Корабль протестующе скрипел, переборки стонали от резких маневров. Несколько раз мы чиркали днищем или бортами о невидимые препятствия, и каждый такой скрежет отдавался ледяным холодком в позвоночнике.

Вдобавок ко всему на сканерах дальнего действия то и дело появлялись огромные, расплывчатые тени — сигнатуры массивных объектов, которые двигались медленно, но неотвратимо где-то в окружающей тьме. Эхолот не мог их идентифицировать: они не были ни скалами, ни известными формами глубоководной жизни. Просто гигантские молчаливые массы, которые радар то видел, то терял. Левиафаны глубин? Древние механизмы? Или просто сбой изношенной аппаратуры? Я не знал, но одно их присутствие заставляло ладони потеть.

Я вцепился в штурвал, пытаюсь удержать корабль на курсе. Глаза болели от напряжения и постоянного всматривания в мельтешащие огоньки приборов. Усталость накатывала волнами, путая реакцию. Вот сейчас — резкий поворот влево, чтобы обойти внезапно возникшую гряду острых, как зубы, скал...

Рука дрогнула, маневр получился слишком резким, корабль сильно накренился, и что-то с грохотом упало в грузовом отсеке.

Снизу донеслась ругань. Кто-то ударил кулаком в переборку — раз, другой.

— Гром, ты устал, — тихий голос Сарры прозвучал рядом. Она стояла за моим плечом, ее лицо было бледным, но решительным. — Давай я попробую. Ты не спал почти сутки. Совершишь ошибку — и нам конец.

Я хотел возразить, но понимал, что она права.

Один неверный маневр в этом проклятом лабиринте — и «Тихий Странник» превратится в еще одну груды металлолома на дне, пополнив местные кладбища кораблей.

И еще я понимал вот что: три дня назад я не отдал бы ей штурвал ни за что. После дока я не давал ей вести даже на швартовке. Отдать его сейчас, в этой каше, было безумием.

Не отдать — было безумием большим.

— Хорошо, — выдохнул я, с трудом разжимая сведенные судорогой пальцы. — Бери. Только... осторожно. Очень осторожно.

Мы поменялись местами.

Сарра села в кресло пилота, ее руки легли на штурвал неуверенно, но без прежней паники. Она глубоко вздохнула, как делала всегда перед спуском в шахту, и сосредоточилась на приборах.

Я встал рядом, готовый в любой момент вмешаться, но она вела корабль на удивление спокойно.

Ее движения были плавными, выверенными. Она не делала резких маневров, заранее просчитывая курс, обходя препятствия с небольшим запасом, но уверенно удерживая корабль на линии маршрута.

Модуль пилотирования, поставленный Кайросом, давал ей не умение, а язык: она понимала, что означает каждая цифра на приборе, и не тратила времени на перевод. Все остальное она делала сама — считала, боялась и все равно вела.

Я смотрел на ее руки и думал, что нужна — единственный настоящий учитель на Дне, и что учит она дорого.

Я наблюдал за ней пару часов, пока напряжение немного не отпустило. Корабль шел ровно, Сарра полностью контролировала ситуацию.

Я решил воспользоваться передышкой и проверить наших «пассажиров». С тех пор как они загрузились, из трюма не доносилось почти ни звука, и это было подозрительно.

— Я спущусь в трюм, проверю, как там наши «рабочие», — сказал я. — Ты справишься одна?

— Да, Гром, — она кивнула, не отрывая глаз от приборов. — Иди. Только будь осторожен. Они мне не нравятся.

* * *

Я спускался по трапу максимально тихо, стараясь не шуметь. В трюме горела лишь одна тусклая аварийная лампа. Воздух был спертым, пахло кровью, потом, дешевым антисептиком и чем-то еще — застарелым страхом и злобой.

Шестеро расположились на полу, привалившись к контейнерам и своим узлам.

Пятеро тихо переговаривались между собой на своем грубом жаргоне, а шестой — их главарь — лежал чуть поодаль, тяжело дыша. Он явно был плох: повязка на боку снова про-

питалась кровью, а лицо покрывал липкий пот. Он тихо стонал и временами бормотал что-то неразборчивое — похоже, начинался бред.

Я затаился в тени за штабелем наших контейнеров с запчастями.

Тех самых, за которые я отработал у Рорка девятнадцать суток. Я сидел на корточках за собственным имуществом, в собственном трюме, и боялся дышать.

— ...Карабин совсем плох, — хрипло сказал один, здоровяк с татуировкой в виде ржавой цепи на шее. — Кровь хлещет, как из дырявой трубы. Если до «Кармана» не дотянем, «жабры слипнутся» у него.

— Дотянет, Зуб сказал — дотянет, — ответил другой, щуплый тип с кривыми желтыми зубами, похожий на крысу. Он нервно оглядывался. — Главное — чтобы эти двое колесничих баранку крутили куда надо.

— А нахрена они нам вообще нужны? — вмешался третий, молчаливый до этого детина с пустыми глазами. — Посудина эта старая, еле пыхтит. Долетим до «Костяного Рифа» — там продадим. А этих кальмаров... — он выразительно постучал по полу. — Перекрыть им клапаны, и дело с концом. Сбросить за борт. Зачем лишние глаза?

— Тихо ты, болван! — шикнул здоровяк с татуировкой. — Карабин сказал — летим на «Карман». Там Сайлас все устроил. С ним расчет, потом — на «Риф». Не бури раньше времени. Забыл, как на «Скале» чуть не «засыпались», когда ты полез на тех псов раньше команды?

— Да что Сайлас! Кинет он нас, как пить дать! — огрызнулся тот. — Заберет хабар и «хвостом вильнет»! Нужно брать шестерни в свои руки! Шмотки тут, — он кивнул на ящики и тюки, — посудина есть. Притопить этих двоих — и мы сами себе бароны!

«Хабар».

Значит, это были не инструменты. Это была их добыча. То, что они взяли на «Скале Грифа».

Я сидел за контейнерами и складывал одно с другим, и все сходилось так же ровно, как сходился у Сайласа маршрут.

Он не искал перевозчика для бригады. Он искал корабль без имени в реестрах, с экипажем, который не пойдет в контору с жалобой, потому что у экипажа метка должника и он сам под арестом сети. Он не нанял нас — он выбрал нас. Возможно, еще тогда, когда я назвал ему свое полное имя. Возможно, раньше.

«Оплата только по факту доставки всей бригады на “Каменный Карман”». Не по факту рейса. По факту доставки.

Если бы мы не долетели, он не потерял бы ни кредита.

И они уже подумывали избавиться от нас.

Я замер, чувствуя, как по спине бежит холодный пот.

Мы были заперты на старой лодке посреди враждебных глубин с шестью ранеными, но вооруженными и отчаявшимися бандитами, которые в любой момент могли решить, что мы им больше не нужны.

Карабин снова застонал, заворочался.

— Воды... пить... Горит все... — пробормотал он, глаза мутные от боли и бреда. — Держите... держите ворота! Псы лезут!..

Остальные посмотрели на него с неприязнью.

— Совсем спустился, — констатировал мужик с татуировкой цепи. — Может, и не дотянет. Нужно решать сейчас.

— Тихо все! — прошипел похожий на крысу. — Сказано — ждем Сайласа. Хватит болтать! Спите лучше, силы берегите. Дорога еще долгая.

Разговор затих.

Бандиты устроились поудобнее, закрыв глаза.

Но я знал: они не спят. Они ждут. Оценивают. И решают нашу судьбу.

Я пятился к трапу, ставя ногу на те доски настила, которые, как я знал, не скрипят, потому что сам их клал полтора года назад под присмотром дяди Арто.

За спиной, наверху, ровно гудели двигатели, и Сарра вела мой корабль сквозь скалы, и ей еще никто не сказал.

Медлить было нельзя.

Я поднялся в коридор, задраил за собой люк и остался стоять в темноте с единственным знанием, которое у меня теперь было.

До «Каменного Кармана» оставалось четырнадцать часов хода.

Нас убьют раньше.

Глава 6. Узкий коридор

Я поднялся в рубку и сказал ей все за полминуты.

— Сарра. Это не рабочие. Это бандиты. Они взяли «Скалу Грифа» — вот что там за тревога. В ящиках награбленное, они называют это «хабаром». И они говорили о нас.

— Что?! Но... Сайлас... Он же... — Глаза Сарры расширились от ужаса.

— Сайлас их использовал. Или они его. Неважно, — сказал я. — Важно, что мы заперты с ними на одном корабле, их пятеро на ногах, они вооружены, и один из них уже предложил нас притопить.

— Что нам делать? — голос Сарры дрожал, но паники в нем не было. Опасность — настоящая, осязаемая опасность — ее собрала.

Я оглянулся на приборы.

До «Каменного Кармана» четырнадцать часов. Развернуться некуда — за кормой двое суток того же лабиринта. Всплыть нельзя. Позвать некого: единственный канал связи вел к Сайласу, и Сайлас уже сказал мне все, что собирался.

Я вырос на базе, где считали болты и часы. Я умел только одно — считать.

Их пятеро на ногах, шестой в бреду. Мы двое. Проходов в рубку — один. Люк трюма — один. Коридор между ними — четыре шага в длину и один человек в ширину.

Один человек в ширину.

— Готовиться, — сказал я. — У нас есть преимущество: мы знаем, чего ждать. И это наш корабль. Мы встретим их в коридоре — там им не пройти всем сразу.

Мы обыскали рубку и технический отсек за ней.

Оружия у нас не было.

Дядя Арто никогда не держал на борту ничего серьезнее строительного пистолета, а строительного пистолета я не нашел — то ли он лежал в арестованном трюме под чужой описью, то ли Арто увез его с собой в тот последний день.

Зато у нас были инструменты.

Мультиключ отца с двумя болтами. Разводной ключ Греты, за который в скупке давали четыре кредита. Гаечный ключ Арто из выемки у штурвала. Нож. Монтировка. Кусок арматуры, которым я год подпирал заедающую дверцу шкафа.

Все, что у нас осталось от людей, было инструментом. И все, что у нас было, чтобы остаться в живых, тоже было инструментом.

И два плазменных резака. Небольшие, но мощные аппараты, которыми мы с Гретой варили обшивку. В умелых руках — страшное оружие ближнего боя.

Я взял один, проверил заряд. Батарея — две трети. Минут одиннадцать непрерывной резки; на короткие вспышки — гораздо дольше.

Сарра взяла второй. Ее рука слегка дрожала, но рукоять она сжала крепко.

Она держала его правильно — большим пальцем на клапане подачи, локоть прижат к боку. Ее этому учила Грета. Тому, как варить лопнувший шов на цистерне, чтобы не сжечь себе руку.

— Становись за той панелью, — указал я на выступ у входа в рубку. — Когда они войдут, бей первого. Я встречу остальных. Главное — не дать им пройти в рубку.

— Гром... мне страшно, — прошептала она.

— Мне тоже, — признался я. — Но мы справимся. Помнишь? Вместе.

— Свет, — сказала Сарра.

— Что?

— В трюме одна лампа, аварийная. — Она говорила быстро, глядя мимо меня, как считала курс. — Они привыкли к темноте. А в коридоре у нас две панели. Если оставить свет

здесь и вырубить его в тот момент, когда они выйдут, они ослепнут на несколько секунд. Мы-то знаем, где стоим.

Я посмотрел на нее.

За полтора года на Гавани я не слышал от нее ни одного предложения, начинавшегося не со слова «может быть».

— Панель за твоей спиной, — сказал я. — Рубильник верхний, слева. Бей по нему ладонью, не ищи пальцами.

Мы сделали еще две вещи, до которых я бы сам додумался часа через два.

Она сняла плафон с потолочного светильника в коридоре и положила его на пол посреди прохода — стекло, круглое, на гладкой стали. Не капкан. Просто предмет, на который в темноте наступит первый идущий.

А я снял с крепления огнетушитель и вложил ей в левую руку.

— Если кто-то дойдет до тебя вплотную — не резак, — сказал я. — Резак нужно тыкать. Этим бей.

Я хотел сказать ей что-то еще. Что-то про то, что бить нужно и не думать, что перед тобой человек. Что если она замешкается на секунду, я не успею.

Я не сказал. И до сих пор не знаю, было это трусостью или единственным приличным поступком за тот день.

Мы выключили освещение и заняли позиции, прислушиваясь к звукам из трюма.

Несколько минут тишины. Только гул двигателей, к которому я привык настолько, что переставал слышать, и собственная кровь в ушах.

Потом — приглушенные голоса. Скрип люка. Шаги по трапу.

Они шли.

Я стоял в темноте, прижавшись плечом к переборке, и держал резак опущенным, чтобы отсвет клапана не выдал меня раньше времени, и в эти последние секунды думал о совершенно ненужной вещи.

О том, что дядя Арто вел этот коридор своими ногами двадцать лет и ни разу никого в нем не убил.

Стекло на полу хрустнуло.

Сарра ударила ладонью по рубильнику.

* * *

В проеме появились трое.

Карабин, пошатываясь, с огромным мачете, здоровяк с татуировкой цепи на шее и молчаливый детина с пустыми глазами.

Они явно ожидали застать нас врасплох.

Дальше все происходило быстрее, чем я успевал думать, и я до сих пор помню тот бой не как последовательность, а как отдельные вспышки — так же, как помнишь короткие включения резака в темноте.

Сарра среагировала быстрее, чем я ожидал. Она выскочила из-за укрытия с криком и ткнула активированным резак, в сторону здоровяка. Тот инстинктивно отшатнулся — и оступился на краю проема. Шипящая струя плазмы чиркнула его по груди.

Он полетел вниз, ревя от боли и ярости.

Через несколько секунд он затих.

В этот момент бросился вперед и я.

Карабин попытался преградить мне путь, замахнувшись мачете, но действовал из последних сил — даже не успел прикрыться.

Я не помню самого движения. Помню только звук — короткий, влажный шип, с каким резак входит в живое, — и то, что этот звук был совсем не похож на звук резки металла. Металл отвечает. Металл звенит и сопротивляется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.